

18+ Елена Сазыкина

Девять писем об отце

Елена Сазыкина

Девять писем об отце

«Издательские решения»

Сазыкина Е.

Девять писем об отце / Е. Сазыкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745706-8

Роман о жизни Исаия Шейниса (1937—1994) — школьного учителя, поэта, барда — охватывает несколько эпох русской жизни: от сороковых годов двадцатого века до наших дней. Главы книги оказываются частями таинственной рукописи, которые взрослый сын Исаия ежегодно обнаруживает в своем почтовом ящике. Стремясь выяснить, кто автор и отправитель этих «писем», сын разыскивает людей, упомянутых в рукописи. Все они видят Исаия живым в наши дни.

ISBN 978-5-44-745706-8

© Сазыкина Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Благодарность	8
Пролог	9
1. «Где солнце гуляет по кругу...»	11
2. «А вдруг сирень цветет – не только в мае?»	24
3. Гномы, белоснежки, снобы	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Девять писем об отце

Елена Сазыкина

© Елена Сазыкина, 2016

© Дарья Михайловна Коршунова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4474-5706-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

*Я узнал одну тайну, именно: что душа – это лишь форма бытия,
а не устойчивое состояние, что любая душа может стать твоей, если
ты уловишь ее извивы и последуешь им.*

Владимир Набоков

Но я надеюсь, что хоть ты

Меня допишешь аккуратно.

Исай Шейнис

Несколько лет назад, когда меня спрашивали «Кто такой Исай Шейнис?», я отвечала: «Бард, поэт, учитель. Непременно послушайте его песни».

Сегодня к этому ответу я бы добавила: «Это часть моей жизни и меня самой. Моя любовь и альтер эго».

Есть слова, что сдвигают орбиты судеб. У каждого они свои. Для меня строка из Шейниса «О жизни не петь нельзя» в свое время прозвучала так: нельзя не писать книгу. Книгу об учителе и поэте.

В поисках биографического материала я обратилась к тем, кто хорошо знал моего будущего героя. Но каждый из них хранил в своем сердце собственный, неповторимый образ: Исай – друг, Исай – студент, Исай – отец, Исай – учитель. Эти образы оказались разъединены не только временем, но и ракурсом воспоминаний, как грани призмы, которые отражают свет под разными углами, и оттого нельзя увидеть их блеск одновременно. Предстояло соединить их так, чтобы за мерцанием многочисленных граней угадывался сам бриллиант.

Любителям пазлов должно быть знакомо то досадное чувство, когда отсутствие нескольких фрагментов не позволяет собрать воедино все части картины. Когда ты сидишь и разочарованно смотришь на несвязанные осколки (крыльцо от дома, ствол дерева, какой-то прямоугольный предмет, обрывок белого облака, желтый сегмент солнца и загадочный темно-синий штрих). И вдруг понимаешь, что можешь восстановить утерянные звенья и дорисовать картину. И не просто дорисовать, а живо представить, что вот на это самое крыльцо сейчас выйдет человек, может быть, даже твой давний знакомый, что прямоугольник – это часть космической ракеты, готовой к запуску. На дереве растут диковинные фрукты, а загадочный штрих – это крыло волшебной синей птицы, посылающей удачу созданному тобой миру.

В мучительном поиске недостающих фрагментов я следовала «извивам» чужой души, пока не почувствовала, что эта душа становится «моей». В тот же миг досадные пробелы начали заполняться удивительными, зримыми, живыми образами. Порой мне казалось, что я смотрю фильм, в котором мой герой вновь родился, вырос, познал радость и муку любви и творчества, нашел свое призвание, обрел Бога и вновь посвятил себя детям, любви и искусству. Более того, он, как давний и близкий друг, стал появляться в моей собственной жизни, помогая мне увидеть и постичь эту жизнь во всей ее полноте, со всеми ее смыслами, вымыслами и замыслами.

Почти все персонажи книги – реальные люди, за исключением, разве что, двух-трех образов, чьих следов не осталось на сохраненных капризной Историей фрагментах пазла, но которые в действительности могли бы существовать и даже, я почти уверена, существовали.

Владимир Набоков однажды признался: «Литература – это выдумка... Назвать рассказ правдивым значит оскорбить и искусство, и правду». Мне стоило немалого труда балансировать между «искусством» и «правдой», вымыслом и историей. Насколько удалось этот баланс соблюсти – судить читателю. Выражаю надежду, что герои, смело сохранившие имена

своих прототипов, покажутся добрыми знакомыми как самим прототипам, так и тем, кто их знает и любит.

Благодарность

Всем, кто помогал собирать материалы об Исае Шейнисе, его жизни и творчестве: Владимир Соловьев, Николай Тесленко, Галина Гавриловская, Олег Улитин, Арнольд Стуканов, Эдуард Малиенко, Алла Рябченко, Геннадий Пономарев, Виктор Исаев, Надежда Валевская (Ушакова).

Тем, кто поделился своими воспоминаниями на сайте www.sheynis.ru, и создателям этого сайта.

Сыну Исае – Александру Шейнису – за его неоценимую помощь в предоставлении материалов, за поддержку, энтузиазм и веру в то, что эта книга в конце концов выйдет в свет.

Моему мужу – Виктору Кибанову – за помощь и терпение, а главное – за его трепетное отношение к творчеству Исае и за то, что, вдохнув новую жизнь в его песни, Виктор помог оживить образ их гениального создателя.

Великому ученому Стивену Хокингу – за теорию «наблюдателя»:

«Прошлое, как и будущее, неопределенно и существует в виде спектра возможностей. Одно из следствий теории квантовой механики заключается в том, что события, произошедшие в прошлом, не происходили каким-то определенным образом, а вместо этого произошли всеми возможными способами. Это связано с вероятностным характером вещества и энергии: до тех пор, пока не найдется сторонний наблюдатель, все будет парить в неопределенности».

Пролог

Все придумано старой гитарой.

И. Шейнис

Тук, тук. Бум... Тук, тук. Бум... Каждый третий удар – громче первых двух, и за ним следует пауза. Все это случилось во сне – ему приснилась новая песня. Сначала родился ритм, потом мелодия оплела его, как стебель вьющегося растения, и сразу же, подобно листьям и цветам, распустились слова. Песня была не похожа ни на что сочиненное или слышанное им ранее, и он замер, боясь упустить хотя бы звук.

Человек проснулся от сильной боли в груди. «Тук, тук. Бум... Тук, тук. Бум...» – чеканило сердце. Кажется, это была какая-то разновидность сердечной аритмии, которую врачи назвали «тригеминия». Все бы ничего, но эта боль... Она мешала вспомнить услышанную во сне песню. Превозмогая боль, а может, пытаясь от нее избавиться, человек поднялся с кровати и, прижимая руку к груди, взгляделся в серую полутьму. Вокруг угадывалась привычная обстановка маленькой комнаты: у стены – кровать, напротив – письменный стол и темное окно. По всей видимости, до позднего рассвета было еще далеко.

Человек подошел к контуру письменного стола и нащупал выключатель. После темноты тусклый свет настольной лампы показался ему яркой вспышкой. Он высветил несколько отдельных листов, в беспорядке разбросанных по столу. Человек собрал листы и бегло их проглядел. Они были исписаны стихами с многочисленными исправлениями. Человек поморщился то ли от боли, то ли от недовольства. «Все не то», – прошептал он и отправил листы в корзину для бумаг. Взгляд его упал на стоявшую в углу гитару.

Было необходимо во что бы то ни стало записать приснившуюся песню. Но сперва – избавиться от боли. Он достал из ящика маленький флакончик и положил под язык таблетку. После этого взял гитару, выключил свет и отправился на кухню. Принялся наигрывать мелодию. Партию ударных исполняло его собственное сердце, чей стук был аритмичным для уха врача, но не для уха музыканта. Сердце воспроизводило размер 6/8 – как раз тот, что звучал в его сне. Человек играл и играл, и с каждым куплетом мелодия выходила все более чисто, пальцы уже легко вставляли на нужные лады, и вот, наконец, он улыбнулся, довольный результатом.

Отложив инструмент, он вышел из кухни, но тотчас же вернулся с парой чистых листов. Теперь он записывал слова новой песни, по ходу оттачивая рифмы. Над готовыми строчками, словно точки над «і», он расставил гитарные аккорды. Закончив, он чуть отстранил от себя лист бумаги и окинул взглядом свое сочинение:

Лети, душа моя, лети!
Свободная от оболочки,
Лети! Я не сумел пройти
Наш путь до самой дальней точки.

Я рад, что грянул праздник твой,
Когда в саду пьяно от вишен.
Но в грустный день сороковой
Не торопись подняться выше.

Увидишь, тучу переждя,
Как полетит с огады птица,

И с каплей светлого дождя
Слеза твоя ко мне скатится.

1. «Где солнце гуляет по кругу...»

Земной путь человека начинается с яркой вспышки. Именно так воспринимает начало жизни младенец, выходя из утробы матери на свет Божий.

Исай эту первую вспышку не запомнил. Скорее всего, он не придал ей значения. Дети вообще склонны воспринимать жизнь как данность, так чего уж ждать от младенцев?

Да и как, скажите на милость, можно зафиксировать собственное начало, когда сама Вселенная не оставила нам свидетельств своего зарождения, отдав на откуп ученым и богословам неразрешимый вопрос, откуда произошел весь этот сложный и необъятный мир.

Однако Исай запомнил другую вспышку – с нее, собственно, и начался отсчет, хотя предвещать она могла лишь преждевременный конец. Но тогда, будучи четырех лет от роду, Исай об этом не знал.

Дело происходило в конце осени или в начале зимы, потому что было очень холодно. И темно. И тихо. Единственными окружавшими его звуками был шорох неугомонных мышей, ухитрявшихся отыскивать себе пропитание там, где людям уже давно нечего было есть. А еще – шепот матери, но он звучал значительно реже, чем ее же протяжное глухое – «Ч-ш-ш». Она произносила его, прикладывая палец к губам, всякий раз, как Исай начинал шуметь или плакать в гулкой темноте погреба, в коем они безвылазно обитали уже целый месяц.

Шел второй месяц оккупации Калуги. Штерна Давыдовна скрывалась от немцев со своими детьми – одиннадцатилетней Олей и четырехлетним Исаем – в картофельном погребе дома, расположенного в Острожке, на самом краю города, рядом с бездонным оврагом, за которым сразу же начиналась березовая роща.

Тетя Шура, хозяйка дома, приходила к ним два раза в день, а точнее, один раз перед рассветом и один раз – после заката, чтобы принести скудную еду, вынести еще более скудные отходы и перемолвиться с Исиной матерью парой слов. Поэтому, когда дверца в потолке открывалась, то в подвал попадал тусклый серый свет предрассветных или вечерних сумерек. Другого света Исай не помнил. Он не знал, когда был день, и когда наступала ночь. Скорее всего, днем они спали, а бодрствовали по ночам – так было безопаснее.

В тот первый день его осознанной биографии он был разбужен громким топотом сапог у себя над головой и резкими выкриками. Его мать, напуганная этим небывалым шумом, тут же произнесла свое привычное «Ч-ш-ш». Они быстро спрятались за пустыми картофельными мешками, наваленными в углу. И тут произошла та самая вспышка, включившая его сознание: все, что последовало за ней, Исай помнил с удивительной отчетливостью.

Тетя Шура держала корову, и в тот день немцы явились за молоком, а заодно решили поискать в доме картошку. За ней и полезли они в погреб, где тетя Шура скрывала соседей-евреев.

Распахнутая грубым движением дверца погреба в одно мгновение впустила сразу столько света, сколько этот погреб не видывал за весь последний месяц. Мать зажала Исаю рот рукой, но в этом не было большой необходимости: ослепленный ярким светом и напуганный громкими звуками ребенок и без того сидел сжавшись и затаив дыхание. Немцам, пришедшим с обходом, погреб показался слишком темным. Они о чем-то перемолвились, и один из них защелкал выключателем фонарика. Щелчки раздались несколько раз, после чего немец начал громко ругаться – фонарик никак не хотел работать.

– Да что ж вы мне не верите? – повторяла тетя Шура как ни в чем не бывало, – говорю вам, нет у меня ничего. Вы еще на той неделе забрали последнюю картошку, а в декабре-то откуда новой взяться, ну сами посудите? Теперь только следующим летом, а раньше можете и не соваться. И вообще б мои глаза вас не видели...

Немцы не поверили, что ничего нет, и один из них полез в погреб проверять, правду ли говорит хозяйка, но сослепу ударился головой о деревянную перегородку и стал, бранясь, выбираться обратно.

– Ну вот, и нечего было лезть, и так ведь видно, что пустой погреб.

– А чефо так фоняет? – спросил один из незваных гостей.

– Так мыши с голоду все передохли, вот и воняет, – отвечала находчивая тетя Шура. Этот довод, видимо, возымел эффект.

Дверца в потолке закрылась и наступила привычная темнота. Лишь где-то вдалеке гулко отдавались стихающие шаги и голоса уходящих солдат.

...

Через три недели бойцы Советской Армии освободили Калугу. И тогда Исина жизнь продолжилась уже на поверхности Земли – на свету, среди многообразия повседневных звуков, среди запахов морозного утра, затем тающего снега, а вскоре уже и нагретой весенним солнцем влажной земли с щедро цветущими на ней садами и лугами.

Через много лет Исай узнал от матери, что за время, проведенное ими в погребе, немцы расстреляли сестер Штерны Давыдовны, а отважная тетя Шура рисковала собственной жизнью, укрывая их.

...

С крыши дома Соловьевых, куда друзья – Володька и Исай – любили тайком забираться, открывался величественный вид с церквями, скверами, лесами. С запада через луг был виден бескрайний бор, с дымками паровозов у горизонта: там проходила железная дорога на Киев. Живописная долина реки Яченки, впадающей в Оку, рядом водокачка и развалины Лаврентьевского монастыря. На севере находился невидимый вокзал, и по утрам через окно слышались команды: «Товарный состав на третий путь!» В синем небе летали голуби, от бора к ним тянулись ястребы, и мальчишки не раз становились свидетелями трагедий голубиных стай.

Школьные друзья, они же и друзья на всю жизнь...

Почему, интересно, так происходит? Что такое особенное сплачивает людей в этом невинном, уязвимом и, в то же время, мало осознанном возрасте?

Неужели причиной тому – собранные вместе по полям и принесенные в школу снаряды и гильзы? Неужели в едином разбойничье-экспериментаторском порыве вывинченные в классе электрические лампочки и затем ввинченные обратно уже с мокрой бумагой, проложенной между цоколем и патроном? Неужели чтение под партой «Двенадцати стульев» во время урока? Или карикатуры на учителей, гуляющие по классу и вызывающие сдавленное, но единодушное хихиканье (всем хорошо известно, что, когда смеяться нельзя, то делается особенным образом неудержимо смешно)? А может, те самые посещения крыш и стрельба из рогаток?

Что же соединяет людей в единый сплав, когда соприкосновение душ не поверхностное, когда каждая молекула сливается с каждой молекулой? Почти химическая реакция с образованием нового вещества, которое не расщепляется ни обстоятельствами, ни временем, ни расстоянием. Может быть, в детстве душа еще не покрылась панцирем, и вокруг сердца не сформировалась броня. Еще все слова – честные, все чувства – неистовые. И содержание мыслей, поступков и бесед не столь принципиально. Гораздо важнее – дружный смех, общие горести и радости, ничем не сдерживаемое воображение, захватывающее дух предвкушение чего-то необыкновенного... Когда и ненависть, и любовь – все в полную меру. И уж если смех, то до колик в животе, до судорог в мимических мышцах, до полного изнеможения. И слезы в детстве еще имеют вкус: соленый, сладкий, горький...

Да, у детей еще нет защиты, которая не только ограждает от внешних опасностей, но и мешает обмену веществом и энергией с этим миром, препятствуя соприкосновению и сливанию душ... Не дает зародиться дружбе и любви.

Друзья, которые появляются позже, это друзья «по интересам», это соперничество интеллектов, это оценка, селекция, осознанный выбор. Это сравнение успехов и неудач, взвешенные компромиссы, взаимовыгодный обмен. Случаются и потом исключения, но чем дальше, тем реже.

Первые учителя – те немногие взрослые, которых еще не судишь, чьих слов и поступков пока не оцениваешь... Непререкаемый авторитет первых взрослых позволяет нам взять от них максимум. У ребенка нет фильтра, который отсеивает «ненужное». Он впитывает *все* и через всю жизнь проносит первые данные ему уроки.

Какие это были уроки? Кроме математики, словесности, химии и прочих дисциплин, Исая получал уроки совести, чести, терпения, ответственности. Были и другие уроки: ненависти, нетерпимости, предательства и лжи, равнодушия и пренебрежения, но, к счастью, последние – реже, чем первые.

Позднее, когда Исая сам стал учителем, он припомнил чуть ли не по дням свою школу, передумал и переоценил многое и мысленно снял шляпу перед своими педагогами. Да, так устроена жизнь, что учителя получают благодарность от учеников столь отсроченно, что иногда и вовсе ее не дожидаются.

Мария Алексеевна, их первая классная руководительница, без лишних упреков и, можно сказать, рискуя жизнью, каждое утро терпеливо производила обыск портфелей перед входом в класс и извлекала на свет патроны, осколки снарядов, неразорвавшиеся гильзы, а порой и мины. Она понимала, что дети есть дети, и что детскую природу, как, впрочем, и мировую историю, не изменить.

Евламий Алексеевич, учитель физики, был настоящим апологетом пронизательности и выдержки. Как-то раз, когда через пять минут от начала урока свет в классе вдруг погас (высохла пресловутая мокрая бумага между патроном и цоколем), он спокойно подошел к двери, открыл ее и убедился, что в коридоре свет горит, после чего невозмутимо разоблачил юных горе-электриков, заставив восстановить освещение в классе, а после окончания уроков провел еще два урока физики, вместо сорванного одного.

А красавица Людмила Федоровна? Учительница русского языка и литературы, в которую были влюблены полкласса... Володька Соловьев имел талант к рисованию, и не удержался, чтобы не изобразить ее в обнаженном виде. И красиво, надо сказать, изобразил... Портрет вместе с другими карикатурами на учителей гулял по классу и передавался под партами из рук в руки, пока учительница не перехватила эти шедевры. Как ей удалось не покраснеть под тридцатью взглядами подростков? Как удалось спокойно устроить допрос для выяснения авторства рисунков?

Когда очередь отвечать дошла до Исаю, он поднялся, густо покраснел и почему-то ответил: «Да, это я». Наверное, химическая связь с другом Володей не позволила ему ответить иначе. Учительница, впрочем, не поверила ему. «Мне кажется, ты присваиваешь чужие лавры», – сказала она. В качестве эксперта был привлечен учитель рисования, который без труда опознал в конфискованном альбоме художественный почерк Володи Соловьева. За укрывательство и пособничество весь класс был наказан: отныне на уроках рисования было только одно задание для всех – рисовать самого учителя рисования. Учитель вставал в какую-нибудь живописную позу и просил изобразить себя то в качестве римского воина, то еще в каком-нибудь привлекательном виде. «Любите портретную живопись? Совершенствуйтесь на здоровье», – комментировал он, с удовольствием позируя ученикам. Людмила Федоровна же с тех пор полюбила большеглазого отличника Исю и невзлюбила шкодного хорошиста Володьку.

...

Пожилый мужчина сидел за маленьким письменным столом перед стопкой листов. Он снимал сверху по одному листу, внимательно их прочитывал и складывал рядом. Высокий молодой человек с интересом наблюдал за выражением лица читающего.

Маленькая комнатка со старомодной, но прекрасно сохранившейся мебелью выглядела чрезвычайно ухоженной – ни пылинки, ни соринки, никакого беспорядка. Совсем новенький на вид патефон удивительным образом завершал интерьер. Одним словом, вся обстановка как бы переносила наблюдателя в прошлое, лет на пятьдесят назад. Разве что компьютер на этом фоне выглядел странно – таким гостем из будущего.

Пока мужчина был увлечен чтением, молодой человек мог хорошо его рассмотреть. Лицо читавшего было красиво, а главное, выглядело молодо, несмотря на присутствие многочисленных примет возраста. Причиной тому было особое озорное выражение, которое, очевидно, было ему присуще с самого детства, и теперь приученные годами мимические мышцы сохраняли его даже в покое. Образ дополнялся копной седых, ничуть не поредевших волос, которые обладатель легким движением периодически отбрасывал со лба назад.

Иной раз, глядя на стариков, трудно сказать, какими они были в юности и тем более в детстве. Однако в этом случае дело обстояло иначе. Наблюдавший мысленно сличал черты лица читавшего с теми, что были ему знакомы по старым детским и юношеским фотографиям, и удивлялся их схожести.

После очередной прочитанной страницы мужчина, сощурившись, взглянул на молодого человека:

– Ну что ж? – сказал он, улыбнувшись. – Исай не перестает меня удивлять даже оттуда, – с этими словами он на секунду возвел глаза к небу. – Я еще в самом начале, но уже вижу, что это целое открытие, прямо сенсация. Невероятно! Как, ты говоришь, к тебе попала эта рукопись? Тебе известно, кто ее автор?

Молодой человек осторожно положил руку с длинными пальцами на прочитанные листы.

– Понимаете, Владимир Владимирович, – начал он медленно, но собеседник прервал его:

– Саша, ты можешь называть меня просто Володя, как твой отец. Окажи мне любезность, пожалуйста.

– Хорошо, – откликнулся Александр, – тогда можно, я буду звать вас дядя Володя? Ведь папа считал вас своим братом, а это значит, что для меня вы – дядя. Или я не прав?

Мужчина весело рассмеялся и посмотрел на молодого собеседника с большой теплотой:

– Мы с тобой знакомы не более часа, а я уже чувствую себя твоим близким родственником. Можно я тебя обниму? – спросил он, и глаза его заблестели.

Они обнялись. Александр продолжал:

– Я не знаю, кто это написал. Как видите, текст набран на печатной машинке, так что по почерку не определить. Но что совершенно удивительно – так это то, как попали ко мне эти рукописи, – Александр помолчал, пристально глядя на собеседника, как будто пытаясь увидеть что-то в его глазах.

– Ты рассказывай. По телефону ты мне сказал, что получал их по частям, – прервал затянувшееся молчание дядя Володя, и было ясно, что он, увы, ничего не знал.

– Да, это так. Первую часть рукописи – как раз ту, что вы только что прочли, – я получил по почте в день своего рождения, когда мне исполнилось двадцать девять лет. Я пытался выяснить, кто отправитель, но мне это не удалось. Потом каждый год, опять же в мой день рождения, приходил пакет с новыми главами.

Дядя Володя сказал, задумавшись:

– Ума не приложу, кто бы мог их посылать. И кто написал – тем более. Среди наших одноклассников эпистолярным жанром баловались только я да сам Ися. Но Ися не особенно тяготел к прозе.

– А почему вы думаете, что это одноклассник? Может, это однокурсник или коллега по школе-интернату? Или же кто-то из учеников? – спросил Александр.

– Потому что у Иси не было однокурсников-калужан, а первую главу явно писал человек, хорошо знавший и Калугу, и наше военно-послевоенное детство.

– Допустим. Но остальные, не калужские главы, тоже написаны с эффектом присутствия. Одно время я даже думал, что разные главы писали разные люди, но стиль повествования все-таки один, так что пришлось отвергнуть эту гипотезу.

– Но видишь ли, я-то других глав пока не читал. Ты можешь мне оставить рукопись?

– Да, конечно. Но она еще не полная, хотя, судя по сюжету, идет к завершению.

– То есть ты предполагаешь, что в один из дней рождения ты уже не получишь подарок по почте?

– Думаю, что нет.

– Мне кажется, тебе будет доставать этих посылок, и ты будешь ждать чего-то еще.

Точно?

– Откуда вы все знаете, дядя Володя? – засмеялся Александр.

– Ох, Саша, как же я счастлив, что познакомился с тобой. Ты такой молодец, что нашел меня, и теперь я смотрю на тебя и вижу, что часть Иси живет в тебе. Ты и внешне на него похож! Но даже это не столь важно по сравнению с тем, как ты чтить память твоего замечательного отца. Надо же вот, приехать в Москву, чтобы встретиться с его постаревшим одноклассником!

– А еще другом и братом, – добавил Александр, улыбаясь.

– Да, мы называли друг друга братьями еще в школе, и всю жизнь нас это связывало, несмотря на то, что наши жизненные пути разошлись. Знаешь, я помню, как это было. Как раз после того, как его обидели, и он сбежал из пионерского лагеря.

– Этот эпизод описан в следующей главе.

– Вот как? – воскликнул дядя Володя, – Мне казалось, об этом знали только мы вдвоем.

– Да, в этой рукописи много сюрпризов. Кое о чем, я думаю, не знал вообще никто.

– Ты меня интригуешь. Мне уже не терпится продолжить чтение.

– Я вас понимаю, – улыбнулся Александр, – поэтому я сделал копию специально для вас. – С этими словами он выложил на стол аккуратно прошитую копию. Листы же оригинальной рукописи он бережно собрал и убрал в портфель. Затем он поднялся со стула, собираясь уходить. Растроганный старик обнял своего названного племянника:

– Спасибо, Сашенька. Я уверен, что мы еще увидимся с тобой.

– Конечно, дядя Володя. Я буду ждать от вас комментариев по поводу прочитанного. Может, вам удастся еще что-нибудь вспомнить, – ответил Александр, уже стоя в дверях.

Когда дверь за ним закрылась, Владимир Владимирович вернулся в комнату и снова сел за стол. Сквозь застывшие в его глазах слезы он смотрел на копию, лежавшую перед ним.

– Ися, дорогой мой... – проговорил он тихо. – Как редко виделись мы с тобой в последние годы... Но кто же знал? Кто же знал... – повторил он несколько раз, опираясь лбом на ладони.

– Не грусти, братишка, – вдруг услышал он за своей спиной знакомый голос. Владимир Владимирович обернулся. В комнате никого не было, но ему показалось, что приоткрытая дверь шевельнулась, как если бы кто-то только что вошел через нее или вышел.

– Ися? – невольно проговорил Владимир Владимирович, но ему никто не ответил.

«Вот так наваждение» – подумал он, потирая виски.

В это время в комнату действительно вошли. Это была женщина. Она подошла к старику и тихонько дотронулась до его плеча.

– Ириша, это ты... – вздрогнув, проговорил Владимир Владимирович.

– Я тебя напугала?

– Нет, я просто задумался. А может, и задремал на минутку.

– О чем же ты задумался?

– Садись в кресло, я хочу тебе немного почитать.

– Почитать? – удивилась Ирина. – С удовольствием. Но что ты хочешь мне почитать?

– Про Исю, моего друга и брата. Ты, кажется, его только один раз видела. На том вечере в Зеленогорске, где он пел под гитару. Помнишь?

– А, Исай Шейнис? Твой школьный друг? Конечно, помню. Удивительно красивый человек. И так одухотворенно он пел, причем, кажется, свои собственные песни?

– Да, собственные. Так вот, садись, слушай.

...

Калуга послевоенных лет была раем для ребятшек. Почему-то Исаю больше всего запомнилось лето – оно всегда было насыщено массой интереснейших событий: играли в мяч и в лапту, бегали через поле в лес, купались в Яченке, рыбачили, собирали гильзы и снаряды, играли в войну, до самой рукоятки вгоняли ножички в черную мягкую землю, запускали самодельных воздушных змеев, следили за голубями, стреляли из рогаток. Этот список можно было бы продолжать и продолжать.

Лишь одно-единственное лето прошло иначе: кажется, Исе было то ли девять, то ли десять лет, когда его отправили в пионерский лагерь. Это было оправдано – в ту пору в лагере, в отличие от дома, было гарантировано хоть какое-то питание. Однако в остальном пионерский лагерь сильно проигрывал дому: распорядок был армейский – все по звонку, везде строем. Бесконечные линейки. Игры тоже были военные. Ко всему прочему, детей тренировали быстро реагировать на воздушную тревогу. Тревога, разумеется, была поддельная, но сирены завывали по-настоящему.

Когда это случилось в первый раз, было раннее утро, и одеться после сна успели лишь немногие. Сам Ися встретил воздушную тревогу в одних розовых трусиках, доставшихся ему в наследство от старшей сестры. Все бросились куда-то бежать, а Ися замешкался: нужно было непременно спасти свою игрушку – маленького рыжего ослика, с которым он был неразлучен. Мама говорила, что ослика подарил ему отец, тоже ветеринарный врач, ушедший на фронт в сорок первом. Пока Исай искал свою игрушку, остальные ребята успели выбежать из комнаты. Он выглянул в коридор, но там уже никого не было. Тогда мальчик, до смерти напуганный, присел у стены на корточки, закрыл уши руками и зажмурил глаза, потому что звук сирены был нестерпимый, а куда следовало бежать, он не знал.

В этот момент кто-то схватил его за запястья и отвел руки от ушей. Ися открыл глаза: перед ним возвышался пионервожатый из старшего отряда. Это был здоровенный детина с рябым лицом, которого Ися (да и не он один) побаивался. В этот момент сирена внезапно стихла, и в гулкой тишине прозвучало:

– А ты что это тут расселся, жиденок? Самый умный что ли? Была б война, пришибло б тебя, и поделом.

Тут вожатый заметил лежавшего рядом на полу ослика. Может, с высоты своего роста он и не разобрал, что это была игрушка, – принял ее за мусор. Так или иначе, он пнул ослика сапогом, и тот, как смертельно раненый, запрыгал по коридору. Исай замер в оцепенении, глядя ему вслед. Тогда вожатый взял его за плечи и поставил на ноги:

– Ну, шуруй уже, – он подтолкнул мальчика в сторону выхода. – Чего ты застыл? Или тебя тоже надо пнуть?

Исай что есть мочи припустил по коридору. Свою игрушку он подбирал на бегу с таким чувством, словно делал это под дулом ружья, направленным ему в спину.

Выбежав на улицу, он увидел, что все отряды уже собрались на плацу, который от его корпуса отделяла редкая изгородь тополей. Нет, идти туда в полураздетом виде, пересекая плац у всех на глазах, было невозможно. Становиться посмешищем – никогда! Путь к товарищам был отрезан, и Исай помчался в сторону леса.

Он бежал по лесным тропинкам, не разбирая дороги. Острые сучья царапали его тело, крапива обжигала руки и ноги, паутина липла к лицу. Через некоторое время он выбежал на пыльную проселочную дорогу и помчался по ней в сторону домов, видневшихся вдали.

Ему повезло – пионерский лагерь находился относительно недалеко от города, поэтому уже через полчаса он оказался на знакомых Калужских улицах. Еще несколько минут – и он стоял у дверей своего дома.

На первом этаже находилась ветеринарная лечебница, где, собственно, и работала его мать. Второй этаж занимали жилые помещения. Исай сразу вбежал внутрь дома. Мать сидела в кабинете и разговаривала с посетительницей. Увидав сына, да еще в таком виде, она до смерти перепугалась.

Тяжело дышавший, весь в пыли, размазанной по исцарапанному лицу и телу, Исай был почти неузнаваем.

Вскоре выяснилось, что произошло, и оба понемногу успокоились. Мальчика отмыли, переодели и накормили. И, разумеется, Штерне Давыдовне пришлось растолковать сыну, что означает «жиденок».

– Если бы этот твой вожатый знал, что творили фашисты в оккупированных городах и селах, он бы никогда не произнес этих слов, – тихо сказала мать. – А ты не злился на него, он это по недомыслию. Заучил, как попугай, и повторяет. А ты, Ися, запомни – твой народ – древний народ с богатой историей, хранящий мировую мудрость.

Исай запомнил слова матери, и потом не раз они помогали ему в жизни. Больше, однако, помогали они терпеть обиды, нежели избегать таковых. Но в эпоху воинствующего антисемитизма (когда, впрочем, он не был воинствующим на Руси?) даже просто научиться гнать от себя ненависть к обидчику – уже было немало. Но главное, Ися узнал в тот день, что он еврей. Что это означало? То, что по рождению он чем-то отличается от своих друзей – Володьки, Владьки, Коли, и от еще многих и многих людей, которых он знал. И этого уже никак нельзя изменить. Это было так странно, к этому надо было привыкнуть, с этим предстояло научиться жить.

На другой день мать съездила в пионерский лагерь и объяснилась с начальством. Она сказала, что ее сын заболел, и не сможет вернуться до конца смены. Ей выдали скудные Исины пожитки и вычеркнули беглеца из списков лагерных постояльцев. На этом история с пионерским лагерем закончилась, но начался новый этап жизни с осознанием и переосознанием самого себя и окружающего мира.

Утром следующего дня, с еще не зажившими ссадинами и сердцем, бьющимся под придавившим его тяжелым камнем, Ися помчался искать Володьку. Только Володька мог помочь ему скинуть этот камень. Он нашел друга на крыше дома, запускающим воздушного змея. Ися задрал голову кверху и зажмурился – солнце слепило глаза и не давало разглядеть Володину фигуру и его нового змея, то и дело пересекавшего солнечный круг.

– Вова, спускайся, – закричал он.

– Ись, ты что ли? – удивился Володька.

– Я, кто ж еще?

– Здорово! Но ты ведь в лагере.

– Если бы я был в лагере, то не стоял бы здесь, – справедливо парировал Исай.

– Ладно, спускаюсь. Хотя нет – давай лучше ты на крышу полезай. Видел, у меня новый змей?

– Видел. А дверь-то открыта?

– Должна быть открыта.

Дверь, действительно, оказалась не заперта, и Исай, пробежав привычным маршрутом через сени и общую комнату, забрался на крышу дома Соловьевых.

Володька распутывал змея, который только что упал, замотавшись в собственный хвост:

– Видишь, я ему слишком длинный хвост приделал, поэтому, когда ветер меняется, его разворачивает, и хвост наматывается на веревку. А чего ты не в лагере?

– Володя, – как-то очень по-взрослому обратился к своему другу Исай. – Мне надо с тобой поговорить.

– Так мы и разговариваем вроде, – ответил несколько озадаченный Володя.
– Нет, не о змее, – сказал Исай и смутился. Преодолев смущение, он спросил:
– Вов, а мы с тобой очень разные? Как ты думаешь?
– Да нет, – удивился вопросу Володя. – Мне кажется, мы с тобой как братья-близнецы.
– Правда? – обрадовался Исай.
– Ну да, а как еще? – Володя хмурился, ему не нравился слишком серьезный тон и странная тема разговора. – Ты же любишь воздушных змеев и лапту? – нашелся он.

– Люблю.

– А гильзы и ножички?

– Да, очень.

– Ну вот, значит мы одинаковые. А почему ты вообще спросил?

– Я испугался, что вернусь из лагеря, а ты уже со мной не дружишь, а дружишь больше с Димкой или с Колей, или еще с этим... с Шариком.

– Да ты что, Иська? С ума что ли спятил? Чепуха какая! Ты всегда был и останешься моим лучшим другом. А Шарика вообще давно пора поколотить! Обнаглел совсем – лезет и лезет. А знаешь, Ися, друзья – это как братья, даже еще больше. Я читал, что когда настоящие друзья смешивают свою кровь, то они делаются братьями по крови, то есть роднее родных, и тогда для них дружба делается важнее жизни.

– Володька, я хочу быть твоим братом, – решительно заявил Исай.

– Мировая идея! Давай. Знаешь, как это делается?

– Нет. Как?

Володя подошел к Исе совсем близко и что-то прошептал ему в самое ухо. Это был очень большой и страшный секрет.

Ися в ответ утвердительно кивнул и торжественно произнес:

– Я согласен!

Володя сбегал вниз на кухню и принес самый большой нож. Мальчики по очереди, зажмурившись, порезали себе основание большого пальца. Выступила алая кровь. Содрогаясь от торжественности и, если можно так сказать, первобытной религиозности момента, они соединили раны. Им показалось, что их кровь переливается в жилы друг друга. Это было ни с чем не сравнимое, захватывающее дух ощущение единства, настоящее торжество дружбы и братства.

Отныне это стало их тайной – клятва на крови, выше которой ничего нет и быть не может. Еще много дней подряд, перед тем как уснуть, Исай думал о том, что у него появился брат. От этих мыслей приятно щекотало под ложечкой. Стал ли теперь он таким же, как Володька? Или Володька стал таким же, как он? Ответ на этот вопрос пришел не сразу. Прежде должны были пройти годы.

...

Они учились, кажется, в шестом классе, когда «плохиш» Шарик (такова была кличка от фамилии Шариков) особенно сильно за что-то невзлюбил Исяя. Он так и норовил подкараулить его после уроков по пути домой. Пару раз Исаю удалось от него сбежать, но в один прекрасный день Шарик в сопровождении команды шпаны загнал его в подворотню между стеной старого дома и сараем. Исе порядочно досталось, но хуже всего была не сама физическая расправа, а то унижение, которое он испытал, узнав о причинах необъяснимой Шариковой ненависти к нему. Слово «жид» вновь всплыло из полузабытого прошлого и начало разъедать мозг и душу Исяя, а широкая физиономия Шарика удивительным образом напомнила ему рябое лицо вожатого из пионерлагеря.

Чтобы не дублировать старую историю во всех деталях, Исай решил не рассказывать матери правды о том, что произошло, а лишь сказал, что ему во время игры попали по лицу футбольным мячом. Однако Володе на следующее утро он поведал о случившемся, а заодно изложил и свои соображения по этому поводу. Володя был ростом пониже Исяя, но отличался

весьма крепким телосложением. Он слушал друга, а у самого нервно играли желваки на скулах и подрагивали мышцы рук и ног, готовые незамедлительно ринуться в бой за правду и справедливость.

– Знаешь что, Ися, – сказал Володя, – мне наплевать, еврей ты или нет. Главное, ты – мой кровный брат. Остальное не имеет никакого значения. Если ты еврей, значит, и я еврей, и если тебя обидели, значит, и меня обидели. А Шарик будет иметь дело со мной, и очень скоро пожалеет о том, что сделал.

На следующий день после уроков Шарика, действительно, поколотили под предводительством Володи и Владика. Но было бы наивным ожидать, что это послужит ему уроком. Теперь Шарик еще больше возненавидел Исяя. Помимо национальности, Шарик ставил в вину Исаю и то, что он был отличником, и его умение играть на гитаре. Нет-нет да и приближался он к нему на перемене, зловещим шепотом угрожая расправой после уроков. Все уже знали об их сложных отношениях, и несколько ребят – сторонников Исяя – ежедневно провожали его из школы домой.

Может быть, потому, что Исай был единственным евреем в классе, а сам класс – весьма интернациональным (учились в нем и азербайджанец, и украинец, и поляк, и татарин), может быть, потому что от рождения он обладал дружелюбным и открытым нравом и просто не умел ненавидеть и помнить зло, а может и потому, что его кровным братом был русский парень, ему совсем не хотелось противопоставлять себя остальным. Более того, ему претило думать о том, что он может быть чем-то лучше или хуже других только по факту своего рождения. Таким образом, к концу школы он окончательно выработал свое отношение к еврейской теме: он просто отвергал для себя ее существование.

Прошли с тех пор многие годы. Уже все они, послевоенные школьники, стали взрослыми и, можно сказать, зрелыми людьми. Волны эмиграции одна за другой захлестывали страну: кто-то из их окружения уже успел покинуть Родину и писал *оттуда* письма, как там хорошо, кто-то самозабвенно готовился к отъезду, кто-то рвал на себе волосы, не умея «порвать мучительной связи», а кто-то пускал пену в эпилептически-патриотических припадках, и только Исай оставался холоден – и к разговорам об отъезде, и к стремлению оказаться «среди своих» на Земле Обетованной.

Обострение «еврейской» темы в стране в семидесятых, восьмидесятых и затем девяностых годах парадоксальным образом лишь укрепляло Исяя в его активно-нейтральной позиции, и чем больше накалялась атмосфера вокруг этой темы, тем более подчеркнуто пренебрежительно, и даже иронично, относился к ней он.

...

Компьютер был включен, и из колонок неслась полухулиганская песня, исполняемая под небрежно настроенную гитару. Запись явно была старая, характерным шипением она выдавала свое кассетное происхождение и многократную историю перезаписей. Александр сидел напротив веб-камеры и смотрел на экран компьютера, где эту песню задумчиво слушал его виртуальный собеседник – пожилой человек с внимательным и немного грустным взглядом.

Жиды пархатые порхают по планете,
И никому они покоя не дают.
На Брайтон-бич теперь носы собрались эти,
И мало ж им, так они песенки поют!

А дядя Хаим никуда не уезжает.
Придет с работы – ни диване полежит.
Давно не мучает его тоска глухая,
И сам забыл уже – он жид или не жид?

Поет там Токарев про «губоньки» Успенской,
И про корнетов стонет Мишенька Гулько,
А диссиденты – кто в Херсоне, кто в Смоленске —
Кричат от горя, что Нью-Йорк так далеко.

А дядя Хаим никуда не уезжает,
И дочку Хаю убеждает горячо:
«Чтоб я так жил! Ты пожалеешь, дорогая!
Здесь Розенбаум есть, зачем тебе еще?»

Поет мишпуха там одесские куплеты
И под гармонь, и под кастрюли, и под что?
Еще не поздно – пришивайте эпoletы,
Еще не рано – на сибирское пальто.

А дядя Хаим никуда не уезжает,
И внучку Раю не пускает в самолет:
«В такую глушь! Зачем ты едешь, дорогая?
Тебя твой Ваня и в Рязани отдерет».

Они не гранды, дорогие эмигранты,
Бардак такой же, как у нас, на ихней стрит.
Пообрезала им Америка таланты,
Как один ребе из Калуги говорит.

Вот дядя Хаим – никуда не уезжает.
Придет из бани – поиграет в домино.
И никогда он власть советскую не хаает.
С ним вся страна и пол-Одессы заодно.

Неожиданно значок Скайпа погас: видимо, случился перебой то ли у австралийского, то ли у зеленогорского интернет-провайдера. Как только связь восстановилась, Александр вновь увидел лицо Николая Максимовича. Тот очень внимательно глядел куда-то ниже камеры, видимо, в экран монитора, где высвечивалось лицо его собеседника.

– Ну слава Богу, – вздохнул Николай Максимович, – я снова тебя вижу.

– А слышите хорошо? – спросил Александр.

– Да, отлично.

– Удалось песню дослушать или прервалось?

– Удалось, удалось. Но я ведь знаю ее: в нашу последнюю встречу в девяностом году, в Калуге, Исай ее пел. Тогда еще приехал Булат Окуджава и некоторые наши одноклассники. Мы, помнится, собирались у кого-то дома, уже после того, как отметили юбилей школы.

– Да-да. В рукописи есть про это. Удалось вам ее почитать?

– Разумеется, я последние две ночи только этим и занимался. Потрясающе! Саша, расскажи, пожалуйста, откуда ты ее взял – этакое чудо?

– Сейчас расскажу, но до этого я у вас хотел спросить, что вы про нее знаете.

– Я-то? А откуда мне знать? Я уже десять лет тут безвылазно. Мы в Австралию когда уехали, Иси уже не было. В тот последний Новый год мы как раз друг друга поздравили, и потом, как гром среди ясного неба, этот звонок от Тамары... Да, рукопись, – вдруг спо-

хватился Николай Максимович, – про рукопись мне никто не говорил раньше. Исая тоже не упоминал ничего. Мы, правда, не очень много и общались с ним. А жаль. Он такой удивительный был человек, сразу к себе располагал. Знаешь, в школе Ися выделялся: высокий, стройный, густые волнистые волосы, темные умные глаза в пол-лица, всегда приветливая улыбка. А по тому, как он правильно и выразительно говорил, сразу было понятно, как он развит и начитан.

– А то, что в рукописи написано, совпадает с вашими воспоминаниями?

– Ты знаешь, в общем-то, да, совпадает, хотя многого я не знал. Про их дружбу с Володей Соловьевым знали, допустим, все, но никто не говорил о том, что они были названными братьями. Про Шарика, конечно же, помню. Я сам участвовал в облаве на него, а потом мы часто Иську до дома провожали.

Александр не выдержал и задал мучивший его вопрос напрямик:

– Николай Максимович, а кто, как вы думаете, мог эту рукопись написать?

– Ты меня об этом спрашиваешь? – удивился далекий собеседник. – Я-то надеялся, что как раз ты мне сейчас расскажешь об авторе и вообще всю эту историю.

Александр поборол разочарование и поведал о том, каким образом он ежегодно получает главы рукописи по почте от неизвестного отправителя. Николай Максимович был крайне удивлен:

– Какая странная, интригующая история. Кто бы это мог писать и отправлять? Может, Володя?

– Я с ним виделся. Он говорит, что это не он, – ответил Саша.

– Тогда, может, Влад Гавриловский? Или кто-то из однокурсников – «гномов»... Я как раз до «гномов» дочитал. Хотя... Гавриловский всегда был склонен к точным наукам, не было у него особенного литературного дара, а однокурсники мало что знали о Калуге, да и о последующей жизни Исаея. А может, жена – твоя мама? Ты не спрашивал у нее? Что она говорит?

– Мама уже нет... давно, – сдержано ответил Александр. – Так что вряд ли это она.

– Да ты что? Как же так? Хотя... У них была такая любовь, что она, конечно, не могла жить без Исаея. Жаль, очень жаль... Да... и ничего уже не спросишь. Может, она бы хоть распознала, чей это литературный стиль.

– Мама никогда не говорила, что существует какая-то рукопись. Она рассказывала, что отец вел дневник, но сам я никогда его не видел. Я потом просмотрел его бумаги, но нашел только записную книжку с вырванными страницами, папку со стихами и несколько кассет с песнями. Кстати, благодаря записной книжке я и разыскал вас, дядю Володю и остальных.

– Ты молодец. Исая был удивительный человек, и очень хорошо, что тыохранишь о нем память. Нас, стариков, скоро не станет, а через тебя память будет жить долго.

– На самом деле, мы храним разную память. Для вас он был сверстник, одноклассник, друг, а для меня – отец. Но мне не дает покоя то, что кто-то знал его лучше остальных, и сохранил память и об Исае-школьнике, и об Исае-студенте, и об Исае-учителе, и о мечтателе, поэте, и об Исае-шутнике, и о философе. Я с нетерпением жду последние главы, чтобы узнать, кем еще, может быть, был мой отец.

– А ты не исключаяешь, что в последних главах ты получишь и отгадку авторства?

– Не исключаяю, но не хочу обольщаться. Очень уж терпеливый и последовательный мой корреспондент. За несколько лет ни разу не отступил от заданного плана.

– Значит, это точно не женщина, – засмеялся Николай Максимович. – Женщины не способны хранить тайны так долго.

Александр улыбнулся:

– Интересное наблюдение. Надо будет над этим поразмыслить. Кстати, о женщинах – а вы не были знакомы с Людмилой – первой женой отца?

– Кажется, разок мы встречались. Но я ее плохо знал. По поводу нее лучше расспросить однокурсников. С Тamarой мы тоже виделись всего один или два раза. Зато помню Валу. Ты, наверное, знаешь, о ком я говорю – в рукописи есть про нее.

– Как же, «девочка Валя с огненно-рыжими волосами» – первая папина любовь. Очень интересно, и что вы о ней знаете?

– На самом деле совсем не много. Они встречались в девятом классе. Иська очень тщательно ее ото всех скрывал. Сам понимаешь, юность – пора особенно сильной ревности. Ревнуешь даже к неодушевленным предметам. Хотя в случае с Валею ревность была более чем оправдана, скрыть ее от чужих глаз было трудно. Настоящая красавица, каких мало, яркая, развитая не по годам, и к тому же, она была на год нас старше. Естественно, половина пацанов из нашей школы были в нее влюблены. Ты же помнишь, что в наше время обучение было отдельным, так что девочки учились в другой школе. Мы, пацаны, бегали туда после уроков. Именно на задворках женской школы происходили самые страшные разборки между шпаной. В дело шли и кастеты, и все, что угодно. И, кстати сказать, Валя частенько бывала причиной таких побоищ. Ися же старался держаться от всего этого подальше. Он тогда занимался гитарой во Дворце пионеров, и сразу после уроков, когда мы отправлялись «прогуляться» к женской школе, он бежал на занятия. А что он делал вечерами – этого я точно не знаю. Наверное, это время он как раз и посвящал Вале.

– Да, я видел ее фотографию – удивительно красивое лицо. Послушайте, а вы не знаете, где Валентина теперь? Как сложилась ее судьба?

– Этого я не знаю. Знаю только, что они прекратили общение в пятьдесят третьем году, когда она закончила школу, а Исаю еще оставалось учиться год. Она в то лето уехала из Калуги в Москву поступать. Через год и Исай уехал в Ленинград. И тут она вдруг возвращается обратно в Калугу – то ли не поступила, то ли не прижилась. А может, и то, и другое. Опять же, говорили, что она с какими-то блатными связалась в Москве, и вынуждена была чуть ли не бежать оттуда. Тогда, если ты знаешь, объявили амнистию, и из лагерей выпускали всех, кого не попадая, кроме политических, разумеется. Кто его знает, что с ней случилось в Москве, но она вернулась и напрямик отправилась к Исаю, а его уже нет. Тогда она поехала в Ленинград. Наверное, хотела его найти, хотя, кто ее знает. А потом что с ней было, я уж не в курсе. Мы ведь тогда после школы все разъехались кто куда, у всех новая жизнь началась, и девчонки, с которыми мы росли, нас уже не так сильно интересовали. Я и не спрашивал Исю про нее. Как-то не до того было – встречи были редкими, не успевали наговориться. Да и сам понимаешь, без выпивки не обходилось, а когда выпьешь, так уж тем более не до старых воспоминаний. Молодые же все были, задору было много. Хотелось бежать вперед, а не оглядываться назад. Вот так вот...

– Да, я прекрасно вас понимаю. Хорошо вы сказали – не до воспоминаний. А вы не помните, Валина фамилия случайно не ... – и Александр назвал фамилию из отцовской записной книжки.

– Кажется, да, – оживился Николай Максимович. – Да, все верно. А как ты узнал?

– Я ее питерский адрес у отца в записной книжке видел. Только не был уверен, точно ли это она. Теперь вот буду знать.

– Так ты, наверное, можешь съездить по этому адресу? Ты не думал об этом?

– Да, но пока я не был уверен, что это та самая Валентина, как-то было непонятно, зачем и к кому я поеду. А теперь другое дело. Запись, правда, конца пятидесятых, так что слишком много лет прошло. Может, и зря время потеряю.

– Ничего не зря. Отрицательный результат – тоже результат, – подбодрил Александра Николай Максимович.

– Ну все. Записываю себе на вторник – съездить на Ваську, – говорил Александр, набирая что-то на клавиатуре своего компьютера.

– Как ты сказал? На Ваську? – удивился Николай Максимович.

– Ну да, – рассмеялся Александр, – на Васильевский остров. Это наш питерский сленг такой. Там она жила. Или живет, – поправил он сам себя.

2. «А вдруг сирень цветет – не только в мае?»

Валя. Это имя пролегло границей между детством и тем, что было после. Оно отделило детство от всей последующей жизни, навсегда превратив его в прошлое.

Когда они познакомились, а точнее, когда он впервые увидел ее, ему было четырнадцать, ей – пятнадцать. Надо полагать, что она отсчитывала срок их знакомства от какой-нибудь более поздней даты: тихий большеглазый мальчик на год младше нее не смог бы оставить след в ее памяти. Зато в его память первая их встреча врезалась так глубоко, что потом ни годы, ни другие увлечения не смогли ее стереть.

Это было дуновение ветра, стремительное движение, навсегда застывшее в фотографической судороге памяти. И много лет спустя, закрыв глаза, он мог наблюдать, как длинноногая девочка с развевающимися огненными волосами сбегает вниз по высокой лестнице на фоне ослепительно-белой стены, освещенной солнцем.

Стена эта, без сомнения, принадлежала Калужскому Дворцу пионеров, где Исай занимался гитарой, а Валя пела в хоре.

Не обратить на Валию внимание было невозможно: слишком яркой была ее внешность и слишком независимо она держалась в любой компании. Девочки инстинктивно тянулись к ней и подражали как могли. Мальчики же, из тех, что постарше да посмелей, боролись за ее внимание. За право проводить ее до дома шло нешуточное соперничество. Валя позволяла себя провожать и нести свою сумку, но по дороге часто подтрунивала над ухажером. Этот особый тон распространялся на всех мальчишек без исключения, и многие уже испытали его на себе. Какое-то время они ходили насуспенные, глядя исподлобья, как кто-то другой несет Валину сумку. Но количество желающих от этого не убывало. На этой почве случались и ссоры, и драки.

Исай все это наблюдал на протяжении учебного года, удивляясь поведению мальчишек и девчонок-подражательниц. Он, похоже, был одним из немногих, на кого Валины чары не действовали чересчур губительно.

Как-то раз, уже в последних числах мая, он сидел в классе и старательно повторял особенно сложный музыкальный пассаж. Поначалу гитара не хотела подчиняться ему, но вдруг он почувствовал, как пальцы сами собой встают на нужные лады, и мелодия не просто получается, а получается очень даже недурно. Это вдохновило мальчика, и он стал снова и снова проигрывать наиболее сложные места. Он и сам не заметил, как мелодия, изложенная в нотах, осталась позади, и он уже играл что-то свое, только что сочиненное. Щеки его пылали, и в голове стучал пульс, отбивая ритм четыре четверти – в такт с музыкой, которую он играл.

И вдруг он затылком почувствовал, что за его спиной что-то происходит: то ли воздух у его головы сгустился, то ли он услышал звук приоткрываемой двери, или же громче зазвучали голоса в коридоре. Так или иначе, он обернулся и увидел, что через приоткрытую дверь на него смотрит Валя. Она поймала его взгляд и улыбнулась, но тут же нарочито захохотала над чем-то, сказанным подругой.

Сердце Исая продолжало колотиться – и от музыки, которую он только что играл, и от ее внимания. Позже он так и не смог воспроизвести эту мелодию, однако, стоило ему лишь представить Валины взгляд и улыбку, как испытанное в тот момент возбуждение вновь возвращалось, заливая краской лицо и заставляя сердце биться в ускоренном темпе.

Этот особый темп и впоследствии вызывал в нем всплеск музыкальных эмоций; в такие минуты оставалось только брать гитару и воспроизводить звучащую в сердце музыку.

...

К маю солнце раскошегарилось и начало согревать воздух и землю. Яркие лучи с самого утра ползли по классу и к обеду добирались до классной доски. Близость лета терзала душу.

Солнце звало за собой, не давая сосредоточиться на написании последней в этом году контрольной. Вообще, сидение за партой оправдывалось лишь тем, что это было в последний раз перед долгими летними каникулами.

На перемене Володя спросил Исаю, что с ним случилось, и в каких облаках он витает.

– Знаешь, Вовка, мне кажется, я могу сочинять музыку.

– Здорово! Помнишь, мы хотели с тобой ансамбль создать, ну, или дуэт. Может, пришло время?

– Было бы хорошо, – задумчиво ответил Исай. Он вдруг представил себе, как они с Володей будут выступать на каком-нибудь концерте во Дворце пионеров или, еще лучше, в городском парке, а среди зрителей непременно будет Валя.

– Все равно не понимаю, чего ты такой кислый? – не унимался Володя, видя замедленную реакцию друга.

– Да нет, я не кислый. Просто задумался. И вообще, не знаю... что-то мне неохота уходить на каникулы.

– Да ты что? Спятил, что ли? – удивился Володя. – Что может быть лучше каникул?!

Исаю пришлось согласиться, что каникулы – это здорово, но все-таки он будет скучать по урокам музыки. Он не был пока готов раскрыть другу истинные причины своей задумчивости. Да и причина, на самом-то деле, была одна – в течение трех месяцев он не увидит Валу.

– Зачем тебе этот кружок? Ты же сам сказал, что научился музыку сочинять. Зато представь – у нас будет время репетировать. У меня, кстати, есть идеи насчет репертуара. Вечером завалимся к Сурину и сам все поймешь.

...

Несмотря на многообещающий май, лето выдалось на редкость холодное и дождливое, и оттого многие дворовые и пляжные забавы свелись на нет. Бумажные змеи отсыревали на чердаке, велосипеды скучали в сараях, а ножички и рогатки были заброшены вообще неизвестно куда. Можно было подумать, что в этом году лето обиделось на Исаю, точнее, на его анти-каникулярное настроение, а может, природа решила устроить ему более плавный переход от беспечного детства к тому, что для него готовила взрослая жизнь.

Этим летом у него появилось новое увлечение – стихи. Исай вдруг с какой-то одержимостью начал их поглощать. Он искал в поэтических образах то, о чем стремилось, но пока еще не умело, говорить его собственное сердце. С жадным узнаванием впитывал он чужие строки, обучаясь говорить на этом новом для него языке. Особенно ему нравился в ту пору Лермонтов с его запредельной гордостью и небывалым фатализмом. Хотя Исай был по натуре веселым и жизнерадостным мальчиком, этим летом вместе с дождями к нему пришли совершенно новые мысли – о том, что смысл жизни никому до сих пор не открылся, а вот тщета ее очевидна для многих. Исай остро почувствовал близость неведомой пропасти, и невозможно было разумом объяснить эту тревогу.

За восемь лет обучения в школе Исай вместе со своими сверстниками усвоил непререкаемую истину, что трудовой подвиг и классовая борьба составляют коллективный смысл жизни народа. А индивидуальный смысл – только в присоединении к коллективному. У Исаю, так же как и у всех его одноклассников, в ту тяжелую послевоенную пору, когда люди сообща трудились над строительством новой жизни, не возникало особых сомнений в правильности данного подхода. Но... Как, скажите на милость, можно было классифицировать эти стихи с позиции классовой борьбы или трудового подвига какого бы то ни было народа:

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;

Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать – что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Душа тревожно ныла от того, что глагол «готовил» имел несовершенный вид прошедшего времени. Что произошло с этим юношей, что у него вдруг не стало будущего, а оставалось только прошлое, не принесшее ни плодов, ни понимания главного смысла?

«Ищу кругом души родной... Придет ли вестник избавленья открыть мне жизни назначенье», – повторял он про себя, и образ седого пророка – «вестника» вдруг сменялся образом насмешливой девочки с огненными волосами. Как будто она могла ему что-то объяснить, каким-то образом помочь выбраться из темного лабиринта вязких и бесплодных раздумий.

Спустя много лет, преподавая литературу своим ученикам, Исай рассказывал им про Льва Николаевича Толстого, как тот, будучи шестнадцатилетним подростком, определил свое место в формуле бытия, подставив собственное имя в известный силлогизм из учебника логики. У него получилось: «Лева – человек. Люди смертны. Потому Лева смертен». Бурное неприятие собственного конца, как ни странно, помогло будущему великому писателю и мыслителю действительно стать великим писателем и мыслителем: он достиг успеха в том числе благодаря тому, что ежедневно муштровал себя и заставлял много работать. Ему удалось понять в свои шестнадцать, что жизнь имеет срок, и упущенное время навсегда останется упущенным. А потому, чем больше он успеет сделать в каждый конкретный день, тем больше он успеет совершить и за всю свою жизнь.

Спустя многие годы, уже зрелый Исай Шейнис позавидовал юному Льву Толстому в том, что осознание собственной смертности тот смог направить в столь конструктивное русло еще в начале жизни. В его же собственные пятнадцать, душа Исая замирала от совершенно иных строк:

Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или бог – или никто!

Разумеется, последняя строчка вызывала в нем, к тому времени уже комсомольце, некоторое недоумение, но именно она особенно томила и жгла его незрелую душу. Как сладкий яд, разъедала она ее. И когда подошло время сдавать в библиотеку полюбившийся томик стихов, Исай аккуратно переписал себе в записную книжку пару десятков стихотворений, которые, впрочем, к тому времени он знал наизусть.

...

Этим летом Исай с Володей были частыми гостями в доме Суриных. Отец их одноклассника Димы Сурина прошел через всю Европу в составе освободительных войск. Из Румынии он привез граммпластинки с записями Петра Лещенко. Эти граммпластинки ребята были готовы слушать бесконечно и в итоге выучили наизусть около трех десятков песен. Репертуар, не содержащий ни слова о Родине или о войне, был настоящим открытием для друзей. Оказа-

лось, можно петь просто о любви, или даже о мимолетных увлечениях, можно целиком посвящать песню женским глазам, а то и одному их взгляду. А главное – все это исполнялось в стиле танго, самая мелодика которого до невозможного предела натягивала струны души, пытаюсь, как будто, их оборвать, но не обрывала, а заставляла трепетать на самых высоких, самых пронзительных частотах.

Надо ли говорить, что вопрос репертуара для новоиспеченного дуэта был предопределен, и репетиции стали ежедневными?

...

Сентябрь явился достойным продолжением лета – дожди лили без перерыва. Лишь один день выдался солнечным – как раз тот самый, когда Исай впервые отправился во Дворец пионеров. С бьющимся сердцем он поднялся по лестнице, пересек широкий холл и свернул по коридору направо. Комната, где проходили его занятия, располагалась рядом с залом хорового отделения. Звонок еще не прозвучал, и ребята через открытую дверь сновали туда-сюда. При входе в зал собралась довольно большая компания. Пройти мимо, не снизив скорость, было невозможно, особенно с гитарой в руках. Исай медленно пробирался сквозь толпу и, конечно же, в самом ее центре он увидел Валю.

Валя за лето изменилась чрезвычайно, из девочки-подростка превратившись в настоящую красавицу. Исай замер и, будучи не в силах поднять глаз, уставился на ее тонкую руку, чьи пальцы теребили подол юбки, пока она разговаривала и смеялась. Он почувствовал, как кровь прилила к лицу. Мысль о том, что оно стало пунцовым, и этого нельзя не заметить, отрезвила Исаю, и он поспешно двинулся дальше, продолжая за спиной слышать ее смех: за прошлый год он научился безошибочно выделять его из общего многоголосья.

И вот звонок прозвенел, но преподавателя все не было. Кто-то из новеньких пошел узнавать, в чем дело. Исай сидел, прислушиваясь к приглушенному пению хора, доносившемуся из-за стены. Но гомон мешал ему слушать. Тогда он поднялся и вышел из класса.

В коридоре было непривычно пустынно и гулко. Дверь зала, где занимался хор, оказалась слегка приоткрыта, и можно было видеть поющих. Валя, будучи одной из самых старших и высоких в группе, стояла позади всех. Наверное, от этого казалось, что голос ее возносится над общим пением и улетает ввысь. Ее серьезное лицо, лишённое всегдашней снисходительной усмешки, показалось Исаю красивее, чем обычно.

Исай наблюдал репетицию через приоткрытую дверь, как вдруг за его спиной кто-то произнес:

– Шейнис, ты что это тут стоишь? В хор, что ли, решил записаться?

Это был преподаватель гитары. Его голос привлек внимание поющих, в том числе и Валино. Она повернулась на звук и, несмотря на то, что Исай почти сразу отпрянул назад, успела увидеть в дверном проеме его бледное растерянное лицо.

...

На следующий день Исай с Володей репетировали новые песни. А в среду, проходя по коридору Дворца, Исай чуть не налетел на Валю, выходящую из двери.

– Привет, – сказала Валя, обворожительно улыбаясь.

– Привет, – ответил Исай, не в силах оторвать взгляда от ее руки с бледными веснушками. Рука служила спасительным якорем для равнодушного взгляда. Впрочем, на этом разговор должен был и закончиться – он и так вышел чересчур содержательным (как правило, они даже не здоровались).

– Так это правда, что ты в хор решил записаться? – неожиданно спросила Валя, и на ее лице заиграла знакомая, слегка насмешливая улыбка.

Вопрос был прямым, и требовал немедленного ответа.

– Не знаю, я пока думаю, – ответил Исай, чтобы не отрезать себе пути к отступлению. Он ожидал, что Валя спросит его, почему он давеча наблюдал за ними через дверь, но вместо этого она поинтересовалась:

– А ты петь-то умеешь?

– А как же!

– Тогда спой что-нибудь.

– Как, сейчас что ли?

– Ну да.

– А почему я должен тебе петь? Если уж петь, так преподавателю, – удивился Исай.

– Потому что я староста хора. Но этот год последний, и я должна найти себе замену. Хочешь быть старостой?

– Может, и хочу, – прищурившись, ответил Исай.

– Тогда мне надо послушать, как ты поешь, – просто сказала она, – Давай.

– Ну... не здесь же... и не сейчас, – окончательно смутился мальчик.

– А почему нет?

– Не знаю... Может, завтра?

– Тогда уж послезавтра, завтра меня не будет. Можем пойти в парк, если ты такой стеснительный. Покажешь, на что ты способен. Мы вместе с драмкружком делаем в конце года музыкальную постановку, и нам нужны ребята, кто умеет себе аккомпанировать, – пояснила Валя, и насмешливая улыбка почти исчезла с ее лица.

Исай не был готов к такому повороту событий.

– А вдруг, как всегда, дождь пойдет?

– Не пойдет, – моментально парировала Валя, будто наперед знала, что он заговорит о погоде. От удивления Исай даже не спросил, откуда у нее такая осведомленность о том, за что не поручится ни один синоптик.

...

Так или иначе, в пятницу с утра светило солнце. Во время уроков Исай наблюдал за почти забытой траекторией солнечного луча и ждал, когда тот доберется до классной доски. Это означало бы конец занятий. Вдруг Володя толкнул его под партой.

– Ися, я вижу, ты дрейфишь. Даже не вздумай! Вот увидишь – мы ей покажем! Все будет просто класс!

– Я знаю, – шепотом ответил Исай, – мы отлично готовы.

А дело было так: в среду, выйдя из Дворца пионеров, Исай рванул к Володьке и рассказал ему о своем разговоре с Валею. Тот секунду помолчал, и тут же прыснул со смеху.

– Я не понял, ты пойдешь со мной в парк? – нахмурившись, спросил Исай.

– Не знаю-не знаю, – подмигнул Володя, продолжая улыбаться. – А вдруг это она тебя одного пригласила? На свидание?

Надо ли говорить, что Володе тоже нравилась Валя? Однако он, как и остальные мальчишки, кто по росту или по возрасту не мог претендовать на ее внимание, делал вид, что она ему совершенно безразлична, и при всяком удобном случае подтрунивал над поклонниками, питавшими какие-то надежды.

Исай аж зарделся – то ли от возмущения, то ли от смущения, то ли от того и другого вместе:

– Да ну тебя, Вовка! Что ты ерничаешь?! Не хочешь идти, так и скажи. Но тогда и я не пойду. Не буду же я один выступать в конце года! У нас ведь с тобой дуэт. Или вместе, или никак. Иначе какого черта мы вообще репетируем?

В итоге они принялись согласовывать репертуар на пятницу. В четверг после школы они репетировали уже только те песни, которые собирались исполнять на следующий день.

...

Исай еле дождался конца занятий. Сердце его предательски колотилось: одно дело посмеиваться над Валиными горе-поклонниками и делать вид, что не замечаешь ее, когда она проходит мимо, и совсем другое – на глазах у всех ребят, в том числе у этих самых поклонников, отправиться вместе с ней в городской парк. Ситуацию, конечно, должно было несколько скрасить присутствие Володи. Но это только теоретически. На практике же все будет выглядеть примерно так: он подойдет к двери зала и будет там ждать Валю, затем она у всех на глазах скажет ему: «Ну что, пойдём уже?», все посмотрят им вслед, ее подружки зашушукаются, и презрительно осклабятся отвергнутые поклонники.

Звонок прозвенел, но Исай не торопился выходить из класса: медленно складывал ноты, что-то с кем-то обсуждал. И когда он, наконец, вышел в шумный коридор, то первый, кого он там увидел, была ОНА.

Все произошло именно так, как он и предполагал:

– Привет, – сказала Валя, – ты что так долго возишься? Еще и вправду дождь пойдет.

Она засмеялась, и подружки, окружавшие ее, засмеялись тоже.

– Он, наверное, испугался, – сказала одна из них.

– Ага, и сейчас сбежит, как заяц, – поддержала ее другая.

– Или петь не сможет, – добавила третья.

Однако Валя не разделила их веселья, и потому смех быстро прекратился.

– Ничего он не испугался, правда, Шейнис, – обратилась она к Исаю. – Ну что? Идем?

Исай, чувствуя на себе десятки насмешливых взглядов, зашагал вслед за Валею. Когда они спустились с высокой лестницы Дворца и оказались на улице (что характерно, все еще освещенной солнцем), Исай окликнул Валю:

– Подожди минутку.

Ему надо было найти Володю. И почему он опаздывает?

– Мы чего-то ждем? – поинтересовалась Валя, и в этот момент Исай заметил друга, выходящего из Дворца.

– Уже нет.

Тем временем Володя подошел:

– Ну где вы болтаетесь? Я вас жду уже полчаса.

– Ты тоже в парк, что ли, собрался? – поинтересовалась Валя, окинув невысокого Володю насмешливым взглядом и многозначительно остановив его на гитаре.

– А что? Сегодня туда пускают только по удостоверению из Дворца пионеров? – не растерялся Володя.

– Хм, – усмехнулась Валя. – Я вижу, вы серьезно подготовились. Ну что ж, поглядим.

Теперь за Валею шагали уже двое молодых людей с гитарами. Оба старались не смотреть на ее уверенную (если не сказать самоуверенную) походку. Тем не менее, равнодушный взгляд, как магнитом, притягивало к Валиным упругим голеним и к юбке, колымавшейся в такт ее шагам.

...

Исай приступил к занятиям в хоре с понедельника, однако все пошло не совсем так, как он ожидал. Во-первых, репертуар, исполняемый хором, был скучноват. Во-вторых (а может, и во-первых), Валя так и не призналась, понравилось ли ей их выступление. Она сказала, что не их первых и не их последних она прослушивает, что поют они недурно, но репертуар никуда не годится, и вообще ей надо подумать. А в-третьих (и это было самое обидное), Валя с тех пор ни разу не проявила к Исаю интереса. Он был на полголовы выше своих сверстников, и потому его сразу определили стоять рядом с Валею. Но даже это не помогало – Валя пела, не обращая на него никакого внимания, а после занятий уходила в сопровождении подруг или других ребят.

После месяца таких занятий интерес к ним у Исаю начал угасать. Весь ноябрь он ходил на секцию, думая лишь о том, под каким видом перестать это делать. Просто взять и больше не приходиться? Исключено: неудобно перед их руководителем Юрием Ильичом, и вообще глупо: зачем тогда записывался? Но были у его колебаний и более существенные причины, в которых не так-то легко было себе признаться: обида, ущемленное самолюбие и ревность, и их обратная сторона – странная зависимость от Валиного присутствия и тот особый вид злости, что заставляет говорить «ах, так!» и, преодолевая все, идти вперед – до победного.

Вскоре Исай действительно стал любимым учеником у Юрия Ильича. Ему давали исполнять сольные партии чаще других, его прочили на место старосты хора и на роль главного организатора итогового мероприятия в конце учебного года и даже поручили разработать часть сценария для постановки. А Валя по-прежнему не обращала внимания на его старания и достижения.

Шел декабрь месяц, приближались новогодние каникулы. Снег не таял с конца ноября, и казалось, что зима царствует уже давным-давно. Репетиции с Володей стали реже. Анна Карповна, их классный руководитель, организовала литературный кружок, в который Исай сразу же записался. Чтение книг, особенно стихов, и занятия в литературном кружке настолько его увлекли, что походы во Дворец пионеров вдруг отступили на второй план.

И тогда он решился. Поговорить с Валею, спросить ее напрямик, кого она рассматривает в качестве замены себе, и, вообще, для чего был весь этот цирк с прослушиванием. А, может быть, и озвучить свое решение уйти из Дворца пионеров.

...

Ресницы опустились, дрогнули и вновь взлетели:

– Юрий Ильич мне сказал, что назначит тебя старостой с Нового года.

– Так, – Исай помолчал, раздумывая, как реагировать. – Ну что ж, это кое-что меняет.

Но... Есть еще одна вещь...

Ресницы замерли, оттенив внимательный взгляд зеленых глаз.

– Мне важно знать, хочешь ли *ты*, чтобы я был старостой.

– Слушай, Шейнис, разве это имеет значение?

– Для меня – да.

Лукавый огонек вновь сверкнул из-под ресниц:

– А может, я еще не решила?

– Ну, знаешь... Если ты до сих пор не решила, то уже и никогда не решишь.

– Почему же? Мне, может, совсем чуточку не хватает, чтоб определиться.

– И чего же тебе не хватает?

– М-м-м... – лукавые глаза неотрывно и испытующе смотрели на Исаю, – еще одного прослушивания.

Исай даже руками всплеснул.

– Ты, видимо, издеваешься, – рассмеялся он.

– Ну почему сразу издеваюсь? Я тебе честно говорю: хочу еще раз послушать, как ты поешь.

– А то ты не слышала! Да и Володька меня не поймет. Он уже столько раз мне припомнил этот наш концерт в парке. Ты ведь молчишь третий месяц, и мне нечего ему сказать. Будем мы выступать в конце года или нет?

– А я Володьку и не приглашаю. Только тебя.

– Выступить? – не понял Исай.

– Да нет, в парк.

– В смысле, на прослушивание?

– На него, – засмеялась Валя.

– Так ведь зима же, мороз...

Вместо ответа Валя расхохоталась.

– Ну, заешь ли! Тогда тебе мешал дождь, теперь – мороз. Шейнис, ты что, в Африке родился – погоды боишься? Ты лучше скажи – ты идешь со мной в парк или нет?

– Когда?

– Сейчас, – парировала Валя в своей характерной манере и, перестав смеяться, с вызовом посмотрела на Исаю.

– Ну что ж, пойдем, – ответил он, с неожиданным азартом принимая ее игру.

...

Белые аллеи, сиреневый отсвет нетронутого снега на обочинах и на ветках деревьев – таким запомнился Исаю городской парк из той далекой зимы. Он смотрел на снег и думал о мае, о том, как вот эти заснеженные кусты через несколько месяцев зацветут настоящей сиренью... Были и другие зимы, похожие на эту, а потом и друг на друга, но уже не скрипел снег под ногами так задорно, уже не отливало сиреневым столь явственно. И этот запах морозного дня – он остался ярким чувственным воспоминанием, наполненным томлением ушедшей юности.

...

Как оказалось, она много читала, любила стихи Блока и одиночество, и когда вокруг не было посторонних зрителей, темп ее речи менялся, и она говорила не торопясь, даже слегка нараспев. Она трогательно взмахивала пушистыми, с белым налетом инея, ресницами и тербила шарф или полы пальто, когда волновалась. Иногда с ней случались приступы неудержимого веселья, и тогда она втихую вдруг набирала полную пригоршню снега, запускала ею в Исаю и, хохоча, убегала. Он, разумеется, всегда догонял ее, но, не умея отомстить баловнице, останавливался в полушаге, а она падала в снег и хохотала. Тем самым шалость ее всегда оставалась безнаказанной. Ее огненные волосы разлетались во все стороны, и казалось, что вот сейчас снег под ними начнет таять. Валя закрывала глаза или жмурилась, и нос ее смешно морщился, а румяные от бега и веселья щеки удивительно гармонировали с горящими рыжим огнем волосами. В такие минуты Исай не знал, что ему делать: смущено улыбаясь, он стоял и смотрел на лежавшую на снегу Валю, но чувствовал побежденной не ее, а себя.

Порой ему хотелось спросить ее про то – первое – прослушивание. Понравилось ли ей, как они пели с Володей? Потому что во второй раз они проболтали всю прогулку, и спеть ему так ничего и не пришлось. Быть может, и первое приглашение имело иную цель...

Вскоре их прогулки стали ежедневными. После занятий во Дворце, а иногда и сразу после школы, они шли в парк. Нередко они встречали там одноклассников или приятелей. Разумеется, без сплетен тут обойтись не могло. В то время еще никто из Исаевых сверстников с девочками не встречался, и не удивительно, что он стал предметом всеобщего внимания. Приятели пытались выяснить у Исаю, что да как, но он уходил от подобных разговоров, и даже Володе отвечал сухо, что, мол, «мы дружим, обсуждаем книги, ходим на каток. Что именно из этого тебя интересует?» И, что самое главное, так ведь оно и было, и потому любые намеки и подмигивания только раздражали Исаю.

Валя тем временем раскрывалась с новой, удивительной стороны. Не осталось и следа той ершистости, что казалась ему чуть ли не главной ее чертой. Это была тонкая, глубокая, трепетная натура. Она много читала, любила Пушкина, Лермонтова, Маяковского. А о Блоке вообще могла говорить бесконечно.

– Девушка пела в церковном хоре... – читал он ей стихи, и ему представлялось, что они написаны про нее, про девочку Валю, поющую пускай и не в церковном, но в самом что ни на есть хоре.

Иногда Валя брала с собой какую-нибудь книжку и с увлечением зачитывала из нее особо полюбившиеся отрывки. Ей, видимо, нравилось, как Исай слушал ее: неподвижно, не отводя взгляда большущих черных глаз. Этот взгляд вызывал легкий, щекочущий жар на ее щеках, заставляя их рдеть ярче, чем грудки снегирей, облепивших соседний куст. Иногда Валя вне-

запно поворачивалась к Исаю, и тогда ей удавалось поймать его взгляд до того, как он успевал погасить в нем восхищение. Не зная, что делать с этим дальше, она немедленно вскакивала и запускала в своего спутника снежком. Он смеялся, смешно прикрываясь руками, и втягивал голову, а она скакала вокруг, норовя попасть в беззащитный участок его шеи, неприкрытый шарфом.

На самом деле, в его взгляде таилось не только восхищение, но и ревность: мысль, что кто-то другой может смотреть на нее точно так же, что она вздумает разделить с кем-то другим свою любовь к стихам и к поэтам, пронзала Исаю острым клинком ревности, как будто он сам был одним из тех поэтов, что так любила и почитала Валя.

Вторым и более материальным поводом для ревности было то, что иногда Валя по-прежнему приходила во Дворец пионеров или уходила из него с кем-то из приятелей. Попытки Исаю выяснять, что этим ребятам было от нее нужно, заканчивались одним и тем же – она отвечала с вызовом в голосе и во взгляде: «Слушай, имей совесть, я и так почти все время с тобой». В такие вечера он не мог ничем заниматься, и, чтобы хоть как-то скоротать время и отвлечься, брал в руки гитару и подбирал какую-нибудь мелодию, либо погружался в чтение книг.

Были и любимые моменты – когда вечерами они ходили на каток. Над залитой гладким льдом площадкой включали многочисленные фонари. Играл вальс, и лед, переливающийся отраженными огнями, был похож на перевернутое сказочное небо. Ритмичный скрип коньков под музыкальное сопровождение завораживал его. И главное, здесь можно было держать друг друга за руки. Оба были в рукавицах, но даже сквозь них он чувствовал Валину теплую ладонь, и сердце его стучало так неистово, что другой рукой хотелось придержать его и сказать: «не сходи с ума, она только потому держит меня за руку, что боится поскользнуться». Но сердце не верило – оно жило собственной жизнью и питалось упованиями.

Однако стоило ребятам сойти с катка, как их руки, словно по команде, размыкались, и каждый шел сам по себе, высоко задирая колени, дабы не увязнуть в снегу. И каждый раз Исаю мучительно пытался изобрести что-нибудь такое, что могло бы задержать ее руку в его, и не мог ничего придумать, кроме как просто сжать ее ладонь и не дать ей отнять ее у себя. Однако исполнить задуманное он никак не решался, и потому каждый раз ее рука беспрепятственно выскользывала из его ладони.

...

В феврале одноклассники Исаю стали частенько захаживать в клуб на танцы, где развлекалась, вообще-то, молодежь постарше (особенной популярностью у девушек пользовались военные), но пускали и старшеклассников. Исаю звали с собой, но тот не торопился составить им компанию. Мать строго-настрого запрещала ему «болтаться без дела», а потому и прогулки с Валею он всячески скрывал от Штерны Давыдовны. Мать видела многочисленные таланты сына, но, предчувствуя проблему с поступлением в ВУЗ из-за пятой графы, всячески стимулировала его учиться на отлично: золотая медаль была его единственным пропуском в люди.

Однако главной причиной была все та же ревность. Каток – это было место для прогулок и физических упражнений, где никто не мог претендовать на Валино внимание. Туда они с Валею вместе приходили, вместе катались и вместе уходили. Совсем иначе дело обстояло с клубом. Танцы явно предназначались для знакомств и ухаживаний. Каждый мог пригласить кого угодно, и девушки, особенно привлекательные, за вечер успевали перетанцевать чуть ли не со всеми молодыми людьми. Однако старшеклассники занимали чаще всего последнее место в списке их интересов, а то и вовсе в этот список не попадали, уступая первенство более старшим товарищам. В общем, Исаю в своем воображении видел себя стоящим у стены или сидящим сбоку на «скамейке запасных», пока Валию наперебой приглашают другие. И кто знает... Среди «других» всегда могли найтись персонажи разбитные, спортивного телосложения и с богатым опытом ухаживаний, которым Лермонтов с Блоком не могли бы составить конкуренцию.

Валя первая заговорила с ним о клубе. Исай высказал свое недовольство, чем немало ее разочаровал. «Почему?» – спросила она.

...Спустя несколько лет на этот вопрос Исай, конечно, ответил бы совсем, совсем по-другому. Однако в пятнадцать лет он выдал что-то вроде: «Там невозможно разговаривать из-за шума», а может и так: «мама меня не пускает».

Валя хмыкнула в ответ и заявила, что кроме разговоров бывают и другие занятия. При этом она многозначительно добавила, что может пойти в клуб и без него. Да, Исаю было над чем поразмыслить.

А через пару дней она сообщила ему, что ее «пригласили» на танцы.

– Там будет праздник в честь восьмого марта. Хочешь – присоединяйся, – добавила она как бы между делом.

Хотя она и звала Исаю с собой, но в слове «пригласили» сквозило что-то враждебное, особенно в его множественной форме. Кто пригласил? Зачем? Вскоре, однако, тема закрылась сама собой, причем самым неожиданным образом.

...

Шестое марта началось для Исаю как обычный день. Однако, придя в школу, он тут же почувствовал, что произошло что-то небывалое и, более того, что-то ужасное. Лица у всех были торжественные, растерянные, испуганные, печальные (потом выяснилось, что такое выражение называется «скорбным»). Многие учителя плакали.

– Что случилось? – спросил он полупшепотом у Влада. Влад близко-близко приставил губы к Исаеву уху и прошептал:

– Сталин умер вчера вечером. Ты что, не знаешь?

Исай обмер. Как же он мог пропустить это известие? Все, выходит, знают, а он – нет. И расспрашивать ужасно неудобно. Тем более все, не сговариваясь, предпочитали молчать. Это выглядело так, как будто минута молчания будет теперь длиться вечно.

Сказать, что персона Вождя в ту пору сильно занимала Исаю и его сверстников, было бы неправдой, точнее, полуправдой. Конечно, в школе ежедневно проводились классные часы, на которых говорилось о Сталине, читались стихи о Сталине, пелись песни о Сталине, ни одна стенгазета не обходилась без его портрета и упоминания о нем. Портреты Вождя смотрели со всех стен и со страниц всех учебников. В общем, к его вездесущему присутствию дети настолько привыкли, что почти даже перестали его замечать. К тому же, стоило выскочить за порог школы, как из головы вылетало почти все, что в нее вдалбливали в течение дня.

...

Потом, вспоминая свои ощущения в этот траурный день, он охарактеризовал бы их как растерянность. Все вокруг говорили: «Как же мы теперь будем жить? Что же теперь будет?» И правда, вождь неотлучно сопровождал их все детство, и его незримое присутствие сделало свое дело: к нему настолько привыкли, что представить жизнь без него было трудно. С другой стороны, а что может измениться, – думал Исай. Дом? Мама? – Ничего, пожалуй, не изменится. Школа? – Как учились, так и будут учиться. Дворец пионеров? – А что с ним сделается? Валя? – Трудно сказать, они никогда не говорили с ней о Вожде... И тут Исаю страшно захотелось прямо сейчас ее увидеть. А вдруг именно с этой стороны его ждет подвох? Это была ужасно глупая мысль, но она вдруг так встревожила Исаю, что он уже ни о чем другом не мог думать, как только об окончании занятий.

На каждом уроке говорили о тяжести утраты, постигшей страну, организовывали минуту молчания, растянутую на полурока, и под конец дня Исай настолько проникся скорбной торжественностью события, что действительно уверовал, что в жизни советского народа, а значит, и в его жизни, что-то безвозвратно потеряно. На классном часу путем голосования решили, что на похороны Сталина в Москву поедет делегация из двух самых достойных учеников девятого класса – Исаю Шейниса и Владислава Гавриловского. Выезжать предполагалось завтра.

Однако Исай не мог не заметить и то, что выбивалось из общей картины всенародной скорби. Помнится, его удивило, что их классная руководительница Анна Карповна вовсе не плакала, как большинство учителей. Ее лицо было неприступно, и невозможно было понять, какие чувства были погребены под этой каменной маской. Только спустя многие годы, узнав ее историю, Исай понял, какие эмоции могла в тот день скрывать их классная руководительница: до войны она преподавала на Филологическом факультете Московского Университета, в тридцать девятом ее муж был арестован и расстрелян, а она, как жена «врага народа», была навсегда выслана из столицы.

Уже позже, когда Исай начал кое-что понимать, в его памяти всплыли и некоторые моменты из жизни их литературного кружка, которым раньше он не придавал особого значения. Например, как старательно избегала их учительница обсуждения программной советской литературы, как, кажется, ни разу не произнесла она вслух имя Сталина, как уходила от любых политических обсуждений и классовых разборов дореволюционных произведений. Вместо революционной литературы они читали Ефремова, вместо позднего Маяковского – раннего Блока и других поэтов Серебряного века. Позже, уже будучи студентом Пединститута, он не переставал удивлять своих однокурсников знанием поэзии Серебряного Века: Исай наизусть знал стихи поэтов, чьих имен даже не слышали многие из его однокурсников. Безусловно, все это было следствием уникального преподавания Анны Карповны.

Говорили, что как-то раз ей поставили на вид, что, мол, она мало внимания уделяет идеологической составляющей и, в частности, роли Сталина, на что она ответила, что является всего лишь скромным учителем литературы и не имеет права судить о столь возвышенных материях, посему и преподает детям лишь свой предмет. Видимо, тот, кому был адресован ее ответ, не смог или не пожелал распознать в нем сарказма. Вот и слава Богу: и не за такое пропадали люди.

Потом, когда уже разрешили «выяснить», выяснилась заодно и подоплека других деталей, в свое время недооцененных или вовсе пропущенных Исаем. А именно, почему сам Исай не узнал о смерти вождя в тот же день (Штерна Давыдовна была дружна с семьей, безжалостно прореженной служителями режима), почему, наконец, первые слова Вали, обращенные к Исаю в тот день, были о том, что «Сегодня клуб закрыли, жаль», и только в ответ на удивленно поползшие вверх брови Исаея Валя опустила глаза и проникновенно сказала «Соболезную» (Валя, как потом выяснилось, уже тогда общалась с разными людьми и многое понимала лучше его).

...

Итак, на следующий день Исай и Влад направились в Москву: в то время ежедневно ходил пассажирский поезд Калуга – Москва, в 24.00 – отправление, в 6.00 – прибытие в столицу. Разочарование ждало их еще до отъезда: вокзал был закрыт, все оцеплено солдатами. Друзья пробрались на железнодорожные пути, залезли в какой-то товарняк, проехали двадцать километров до платформы Тихонова пустынь, где их сняли с поезда сотрудники МГБ и на служебной автомашине отправили обратно в Калугу. Так бесславно был пресечен юный порыв гражданственности.

А потом продолжилась обычная жизнь, всенародное горе как-то быстро утихло, и только учебники еще какое-то время напоминали о Вожде...

...

Когда народу вновь разрешили веселиться и клуб открыли, Валя не захотела идти на танцы без Исаея. Возможно, таинственные поклонники не повторили своего приглашения. Так или иначе, дальше уваливать было невозможно, да и ни к чему. Поэтому Исай втихаря разучивал танцевальные приемы. В конце концов, заручившись согласием матери, он отправился с Валей в клуб.

Они много танцевали в тот вечер, как вместе, так и порознь. Исай был высоким, черноглазым и, видимо, уже и в ту пору привлекательным молодым человеком, и потому отсиживаться на «скамейке запасных» ему не пришлось. Тем не менее, даже танцуя с другими девушками, он не выпускал Валю из виду.

Валя, тем временем, блистала. Похоже, ее давно ждали на этом «балу», и отбоя от приглашений в этот вечер у нее не было. Так совпало, что Исай читал сейчас Льва Толстого, и образы балов с участием Наташи Ростовской и Анны Карениной попеременно сменяли друг друга в его возбужденном воображении. Валя казалась ему то наивной девочкой, то светской львицей. Однако кем бы она ни была, ревность не позволяла ему любоваться ею беспристрастно. Он с трудом переживал каждый танец, отданный не ему, даже если он сам в это время танцевал с другой.

Когда они, наконец, выбрались на свежий воздух, Исай испытал настоящее облегчение. Валя была возбуждена, щеки ее пылали, волосы разметались по плечам.

– Тебе понравилось? – спросила она.

«Мне понравилась ты», – хотел ответить Исай, глядя в ее блестящие глаза. Но вместо этого он только улыбнулся.

– Какой же ты скучный, Шейнис, – кокетливо поморщилась Валя и вдруг (это «вдруг» было весьма в ее стиле) сделала вид, что запятнала Исая, и со словами «ты водишь» бросилась убежать. Она свернула с центральной улицы в какой-то переулок, где не было фонарей, где они бежали почти в полной темноте, не замечая кочек и хлюпающих островков талого снега под ногами. Наконец Исай догнал Валю и, схватив ее за руку, остановил. Ее грудь вздымалась под расстегнутым пальто. Наверное, будь это зима, Валя бы упала в снег, делая вид, что сдается на милость победителя. Но стояла весна, и зимние уловки больше не работали. Исай тяжело дышал и продолжал держать Валю за руки. Он не знал, что делать с остановившимся мгновением. Не знала, видимо, и она.

В тусклом просвете между покосившимися домами виднелись два силуэта: один – высокий, неловко склонившийся вперед, другой – поменьше, в коротком пальтишке и без шапки, весь как будто стремящийся вверх. Они стояли друг напротив друга, с обнажившимися шеями, все еще держась за руки.

Наконец, Валя сделала попытку забрать свою руку.

– Не отнимай, – прошептал Исай и еще больше подался вперед.

Но то ли он прошептал чересчур тихо, то ли вообще ничего не произнес, а только лишь подумал, но Валя не выполнила его просьбу. Она медленно забрала свою руку и как-то сразу сникла. Только теперь Исай понял, что до этого она стояла на носочках.

Ночь немедленно навалилась на них и холодным ветром погнала прочь из переулочка. Теперь они шли на некотором расстоянии друг от друга, втягивая головы в плечи и пытаясь обходить (откуда только взявшиеся) лужи с плавающими в них комьями талого снега. Говорить им ни о чем не хотелось, а хотелось снова оказаться лицом к лицу и держаться за руки, но упущенное мгновение, увы, было не вернуть...

...

Наступил май. Приближался конец учебного года, что для Вали означало окончание школы, выпускные экзамены и поступление в институт. В Калуге не было высших учебных заведений, и поступать уезжали в Москву или в Ленинград. Исай прекрасно это знал, но боялся напрямую спросить Валю об ее планах. Он представлял, что она, как ни в чем не бывало, ответит: «Да, я уезжаю», словно не догадываясь, что для него, уже давно и безнадежно влюбленного в нее, это прозвучит смертным приговором.

К сожалению, в эти дни они меньше виделись из-за необходимости готовиться к экзаменам и репетировать постановку во Дворце пионеров, а если и виделись, то всегда на людях. Исай ждал подходящего момента, внутренне готовился к разговору, и никак не мог решить,

с чего же начать этот разговор. Поинтересоваться ее планами? Взять за руки и посмотреть в глаза? Признаться? Надо было, конечно, сделать и то, и другое, и третье, но только с чего начать? И как реагировать на неминуемое известие, что она уедет этим летом из Калуги? Мысль о том, что другого ответа с ее стороны быть не может, леденила душу Исаю. Поэтому он предпочитал убеждать себя, что времени впереди еще много, экзамены пока еще не сданы, и вообще... может быть, все сложится совсем иначе.

Мысль бежала дальше, и вдруг он начинал мечтать о том, как, наконец, признается ей в своих чувствах, как она скажет «я тоже» (он так и представлял, как ее зеленые глаза вдруг станут серьезными, и лицо приблизится к его лицу). А потом, когда их губы разомкнутся после первого поцелуя, он скажет, что не может жить без нее, что поступить в институт они смогут через год уже вместе, и вообще... что через два года ему исполнится восемнадцать... и тогда... В общем, надо только чуть-чуть подождать...

...

Но вот уже и итоговый спектакль позади.

Возле актового зала толчея: тут и школьные педагоги, и ученики всех возрастов. Самая большая группа обступила Исаю: все норовят протиснуться поближе, заговорить с ним, дотронуться до его испанского костюма, сшитого специально для спектакля по мотивам Лопе де Вега. Не удивительно, ведь Исай Шейнис – главный сценарист, а вместе с Володей Соловьевым оба они – исполнители главных ролей, они же исполняют и большинство песен в постановке. Неразлучный друг и балагур Володька, разумеется, тут же. У обоих в руках гитары, а на лицах – лучезарные улыбки. Стоит шум и гомон, сквозь который прорываются самые разные реплики.

– Ну, Шейнис, тебе в кино надо сниматься. Что ты тут время теряешь?

– А здорово ты его! – этот комментарий относится к самой смешной сценке из спектакля. – У него даже ус отклеился.

Малышня хохочет. Соловьев в ответ извлекает из кармана бутфорскую лысину с усами и очками и вновь нахлобучивает ее на голову. Левый ус печально и несимметрично свисает, вид у актера уморительный.

– А я ему сейчас ка-ак заеду по физии! Узнается небось, как я страшен в гневе! Чтоб было не повадно за усы таскать почтенных граждан, – импровизирует на бис Соловьев, вжившийся в комедийную роль. – Подержите-ка его, хлопцы, а то зрение подводит, вдруг еще промажу, – он смешно щурится, раздувает щеки, поправляет очки и сводит глаза к носу. Ему ответом – общий хохот.

Исай тоже смеется и норовит дотянуться до своего напарника, но тот ловко уворачивается, не забывая по-стариковски прихрамывать на одну ногу. Однако через секунду у Шейниса в руке уже красуется окончательно вырванный ус, а поверженный «старикашка» возмущенно размахивает гитарой, словно клюкой, и грозит ею «обидчику».

– Шейнис, приходи вечером в клуб, – шепчет тем временем ему на ухо Колька, у нас там кое-что намечается. Девчонки все соберутся.

А с другой стороны его уже тянет за рукав великовозрастный восьмиклассник – известный на всю школу второгодник – и шепчет в другое ухо:

– Подваливай через час к мосту, слышь? Будет знатный квас, Серый раздобыл ящик пузырей.

Одним словом, воистину всенародная популярность настигла нашего героя.

Другая группа, состоящая в основном из девочек, окружает Валу. Она – тоже звезда сегодняшнего спектакля. Валя неотразима. Она разгорячена, ее платье с пышными юбками и декольте – предмет всеобщей зависти и восхищения – делает ее похожей на настоящую королеву. Она смеется заливистой всех, и, кажется, безудержное веселье овладело всем ее существом. Но это не совсем так: нет-нет, да и взглянет она украдкой в сторону шумной мальчишеской компании. Лавры Шейниса щекочит ее самолюбие, а внимание ребят и других девочек

вызывает острую ревность. Он ведь тоже неотразим, тоже похож в своем костюме на средневекового принца, и Валя прекрасно видит, с каким обожанием пялятся на него девчонки.

Не выдержав, она пробирается через толпу и, для убедительности вытаращив глаза, говорит Исаю:

– Шейнис, ты что, забыл? Нам же сказали подойти к Юрию Ильичу. Он уже два часа нас ждет.

– Ты уверена? – удивляется Исай. Он не может вспомнить подобных инструкций руководителя. Но Валя глядит на него так, что он понимает – дело серьезное.

– Ребята, я скоро. Увидимся! – машет он всем рукой. Володька ему подмигивает и треплет по плечу.

Они с Валею уходят, провожаемые десятками взглядов. Но сразу же за поворотом, где их уже никто не видит, Валину степенность словно ветром сдувает. Она хватает Исаю за руку и, приложив палец к губам и с трудом сдерживая смех, тащит его в сторону выхода. Он понимает ее уловку и сердце его наполняется ликованием. Шутка ли? Они сбежали ото всех, от всего мира! Только он и она! Они опростетью выбегают из Дворца пионеров, сбегают вниз по лестнице, несутся по улицам – напрямиком к городскому парку.

Солнце жжет уже по-летнему, так что хочется скорее укрыться в тени. Но главное – сирень... кругом сирень... Сиреневым ароматом пропитан воздух, ее цветами устелены дорожки и обочины, даже тень – и та сиреневая. «Да, это уже настоящая сирень, не то что зимние тени на снегу», – мелькнула мысль.

Вот и центральная площадка. Духовой оркестр играет что-то бравурное, щеки у музыкантов то раздуваются, то сдуваются, а медь горит на солнце, и кажется, что и трубы тоже то сдувают, то раздувают свои бока. Вдруг что-то срывается – это мажор переходит в минор, и от этого все вокруг тоже меняется, как будто кто-то невидимый подменил стекла в очках, через которые мы смотрим на мир. Звучит вальс, грустный вальс... Валя прислушивается, и едва заметное подрагивание уголков ее рта выдает смену музыкальных настроений.

– Пойдем, – шепчет ей Исай.

Валя сначала вздрагивает, но, будто опомнившись, отвечает ему:

– Нет, побежали! – и берет Исаю за руку.

Сказочные принц и принцесса бегут по дорожкам парка, и звуки вальса все отдаляются, отдаляются... пока вовсе не растворяются в теплом дрожащем воздухе. И все это время они держатся за руки: сперва поворачивают налево, потом – направо, потом опять резко налево, и вот они уже и не на дорожке вовсе, а в самом сердце парка, и устремляются прямо в сиреневую гушу. И главное... их руки все еще вместе...

Тут, среди зарослей кустарника, они останавливаются. Их лица – друг против друга. Ветви сирени касаются Валиной головы, почти вплетаясь в ее огненные косы, а ее рука продолжает оставаться в его руке. Исай знает: такая позиция не может длиться долго: вот сейчас она заберет свою руку... Тогда он смотрит на Валию, и вдруг отчетливо произносит:

– Не отнимай, – и в подтверждение своей просьбы сжимает ее ладонь и притягивает к себе. Она подается к нему всем своим покорным, мягким телом, и, закрывая глаза, он чувствует на своих губах ее дыхание.

...

Случилось именно то, чего он так боялся: Валя сдала выпускные экзамены, и собиралась ехать в Москву поступать.

Ах, эта последняя мучительная неделя перед ее отъездом... Они встречались ежедневно, но она уже была преисполнена решимости вступить во взрослую жизнь, и в ее глазах загорелись холодные, неизвестные Исаю искорки, зажженные предвкушением новой жизни, – искорки, с ним не связанные, неподвластные ему...

Исай так и не решился сказать ей о самом главном и сокровенном, так и не решился ни о чем попросить. Надо было объяснить как-то иначе – может быть, даже и не при помощи слов. А может, и при помощи слов, но не тех, что были на слуху, и даже не тех, что прокручивались в его голове тысячекратно. От частого употребления смысл из них как будто выветрился. Слова эти выцвели, как выцветают флаги на людных площадях.

Он перелистал множество книг в поисках подходящих строк, но и в стихах не смог найти полного отражения своих чувств. Всегда находилась какая-нибудь маленькая деталь, которая по-предательски перечеркивала весь смысл, делала очевидным то, что стих рожден чужой жизнью и чужими чувствами. К тому же, ни в одном стихотворении не упоминалась сирень, а именно она была совершенно необходима. Вот тут бы взять да сочинить что-нибудь самому, но чтобы это было по-настоящему, как у Лермонтова или Блока... Надо признаться, что Исай, как и многие, пробовал писать стихи, но пока ни одно из его творений не удавалось чести дожить даже до утра – собственная беспощадная цензура заставляла уничтожать написанное.

День отъезда все приближался, воспоминание о том единственном поцелуе в парке становилось все пронзительнее и нежнее, а самых главных слов так и не было произнесено... Она уехала, обняв и поцеловав его на прощанье, и легкое прикосновение ее губ еще долго полыхало мучительным огнем на его щеке и в его сердце.

– Я напишу тебе! – крикнул он вслед уходящему поезду.

...

В новый и последний учебный год Исай вступил повзрослевшим и серьезным. Во Дворец пионеров он больше не ходил, зато литературный кружок посещал регулярно. Это была настоящая отдушина, где он мог прикоснуться к тому, что у него отобрала (или еще не успела подарить) жизнь.

Однажды Анна Карповна объявила, что темой следующего заседания кружка будет разбор собственных стихов, и предложила принести каждому свои творения, у кого таковые имеются. Тема была настолько животрепещущей, что Исай только и думал над ней, и в ожидании заседания пребывал в каком-то особенном нетерпении. Весь вечер накануне он писал, пытаясь поймать за хвост то капризную рифму, то смысл, который улетучивался от долгого поиска этой самой рифмы. В итоге, на заседание кружка он явился ни с чем, кроме, разве что, черных кругов под глазами и болезненного желания узнать, удалось ли что-то другим.

Некоторые ученики, действительно, прочли свои стихи. Однако единственное чувство, которое они вызывали, была почти физическая неловкость: по спине пробегал озноб, сродни тому, что бывает, когда ведут железом по стеклу.

Затем Анна Карповна представила ребятам еще одного автора. Из угла выдвинулся человек лет двадцати девяти – тридцати, худой, с черной копной вьющихся волос и черными маленькими усиками. Это был тот самый молодой учитель, который еще в прошлом году периодически появлялся на уроках Анны Карповны, садился на заднюю парту и что-то записывал. Она тогда представила его своим ученикам, но никто его имени не запомнил – во-первых, было ни к чему, а во-вторых, слишком оно было замысловатым.

Учитель этот часто приходил на заседания кружка, но и там он больше слушал, чем выступал. Зато когда он говорил, то было ясно, насколько каждое его слово взвешено и продумано. Вдумчивость (а может быть, и перенесенные тяготы судьбы) выдавала неожиданно глубокая для его возраста морщина между бровей и грустные, задумчивые глаза, которые не меняли своего выражения, даже когда он улыбался. Ребята знали, что он воевал как раз в том возрасте, в который только что вступили они, и потому фигура серьезного не по годам учителя была окутана ореолом романтики и вызывала подспудное уважение.

И вот он выдвинулся из угла, где до этого сидел, слушая выступления учеников. Вышел он почему-то с гитарой, что сразу заинтересовало Исай. Учитель прислонил гитару к столу

и прочел несколько стихотворений. Читал он хорошо, воодушевленно, но Исай не запомнил, о чем были его стихи. Что-то о войне, о мужестве, о предназначении. Но тут учитель сказал:

– Некоторые свои стихи я исполняю под гитару. Вот, послушайте.

С этими словами он взял гитару и запел:

Неистов и упрям,
Гори, огонь, гори.
На смену декаблям
Приходят январь...

Это было поразительно. Довольно обычный голос учителя во время пения преобразился, и незначительные, казалось бы, слова вдруг стали торжественными и весомыми, как будто их наполнили новым неведомым смыслом. Сердце Исая сжалось и не разжималось до последнего аккорда.

– Спасибо, Булат Шалвович, – сказала Анна Карповна. – У вас очень красивые стихи, и музыка их чрезвычайно украшает.

Потом говорили о правилах сложения стихов, о стихотворных размерах, о рифмах. Все это Исай уже когда-то слышал или где-то читал. Ему же хотелось поговорить лично с молодым учителем, и он ждал, когда закончится заседание.

Он догнал его в конце коридора, когда тот уже собирался выходить из школы.

– Булат Шалвович, простите, я могу узнать у вас одну вещь?

– Разумеется.

Исай подождал, пока тот закуривал папиросу.

– Ты спрашивай – спрашивай, – подбодрил его учитель, выпуская белый дым в черное осеннее небо.

– Я хотел узнать... Как вы пишете стихи. Что при этом самое главное? Я, конечно, понимаю – все важно. И все-таки? За что-то ведь надо зацепиться, что-то приходит первым. Что это? Смысл? Рифма? Целая строфа? Что? Может быть, музыка?

Булат Шалвович с интересом поглядел на Исая. Ему, казалось, были приятны вопросы, заданные подростком.

– Тебя как зовут? – спросил он.

– Исай Шейнис.

– Знаешь, Исай, я думаю, никто не ответит тебе на этот вопрос. Я сам, например, всегда хотел... и до сих пор хочу... поговорить с Александром Сергеевичем... Эдак знаешь, запанибрата: усесться с ним на кухне за чашечкой чаю... или не чаю... и спросить его: «Старина, как это тебе так удается?». И чтобы он мне, понимаешь... *только мне*, как лучшему другу... объяснил, как рождаются шедевры. Чтобы передал мне свою формулу. А я бы потом в нее подставлял слова, как цифры в уравнение, и получал бы на выходе шедевр. Заманчиво, правда?

– Да, заманчиво, – согласился Исай. – Я вот пытаюсь найти хоть что-то, нащупать нить какою-нибудь, и не могу, все ускользает...

– А ты, главное, не унывай, продолжай пытаться, и все получится. Вот ответь мне, пожалуйста, на один вопрос: как ты сам чувствуешь – тебе *есть*, что сказать людям? Только честно.

Исай задумался.

– Я не уверен. Точнее, я бы хотел, чтоб оно *было*, а на самом деле я не уверен.

– Вот именно. А ведь это самое главное – иметь, что сказать. Потому что если нечего сказать, то незачем и голос надирать, и время тратить – свое и чужое. Особенно сейчас, когда стране нужны рабочие руки.

– Булат Шалвович, вы понимаете, я чувствую, что есть что-то такое, что я ищу и не могу найти в чужих стихах. Вроде, там все уже сказано, да не все...

– Ну, например, что ты не смог найти?

– Про сирень, – почему-то сказал Исая, и тут же смутился от того, как глупо и мелко это прозвучало. Он поспешил пояснить: – Про первую и последнюю встречу, когда вокруг май, и цветет сирень. Про то, что эта встреча никогда не повторится, но именно поэтому и останется навсегда.

– Да ты смотри-ка! – воскликнул Булат Шалвович, – ведь это уже поэзия! Белый стих. Ты его, Исая, запомни, а домой придешь – запиши. Вот тебе и первый шедевр.

– Вы смеетесь.

– Да что ты! – учитель положил Исаю руку на плечо. – Мне, дружок, не до смеха, я ведь и сам мучаюсь. Серьезно. Давно и тщетно ищу себя. Вот ты говоришь, что стихов про сирень не нашел у великих. Так это же и хорошо: значит, нить нащупана, бери да пиши. И это будет *твое*. Твой собственный шедевр. Понимаешь, о чем я?

– Кажется, да, – ответил Исая. – Но ведь сирень – это чепуха. Вы же сами это понимаете, и я понимаю.

– Ну нет, не соглашусь с тобой. Чепухи не бывает. А может, и наоборот – все чепуха. Но дело-то не в этом. А в том, что это *твое*. Просто ты пишешь о том, что ты понял. Сегодня ты понял про сирень, а завтра, глядишь, поймешь про любовь, а послезавтра постигнешь тайну бытия. И каждый раз тебе будет, о чем поведать. Ты, главное, не торопи время, прислушайся, присматривайся. А если чувствуешь потребность писать, то пиши о том, что уже знаешь, не пытайся сам себя обогнать.

– А можно вас спросить – вы сами... что уже поняли?

– Я то? – учитель усмехнулся. – Да ты знаешь, не очень, в общем-то, и много. Кое-что понял про войну... Что еще? Про дружбу. Да и все, пожалуй. Ты сам посуди – о чем мои стихи? Ты же слышал их сегодня.

– Не знаю, – признался Исая. – Но мне очень понравилось. Особенно – «Гори, огонь, гори». Красиво.

– Красиво-то, может, и красиво. Из-за гитары, наверное. Но ведь тоже не о чем. Каждому известно, что за декаблями приходят январы... Так что, друг мой, пиши про сирень, а там будет видно.

В этот момент рядом с ними вырос школьный учитель физкультуры.

– Здорово, Булат, – обратился он к собеседнику Исаю. – Ты уже освободился? Идем «под шары»?

– Да, пора, – ответил учитель, взглянув на часы. – Бывай, дружище, – он хлопнул мальчика по плечу. – Удачи тебе.

– А почему ты своего друга не приглашаешь? – вмешался физрук, – вместе бы выпили. День-то тяжелый был... небось не только у нас.

– Да у него нет времени. Он, вон, стихи пишет, – засмеялся Булат Шалвович.

– И что с того? Кто их сейчас не пишет? Одно другому не мешает. Я, может, тоже пишу. Только никому не показываю, потому что чушь одна получается, – подмигнул и тут же рассмеялся учитель физкультуры. – Так что? Пойдешь с нами? – спросил он Исаю.

В темноте он явно не распознавал в высоком собеседнике школьника. Исая сконфузился, не зная, что ответить:

– Да нет, спасибо. Мне домой надо, меня мама ждет.

– А, ну тогда, конечно. Мама – это святое, – учитель, видимо, понял свою ошибку и вновь рассмеялся.

Булат Шалвович пожал руку Исаю:

– Бывай, старина. Приятно было поговорить.

Двое учителей удалились в сторону столовой, расположенной напротив школы и известной среди завсегдатаев как «Шары». Своим названием она была обязана двум большим круг-

лым фонарям, расположенным над входом. «Под шарами» наливали пиво, а иногда и кое-что покрепче.

...

Через месяц Булат Окуджава уволился из Пятой Калужской школы и перешел работать в редакцию газеты. Три года спустя у него вышла первая книга стихов, но Исай об этом не узнал – в то время он был уже далеко от Калуги.

Впрочем, гораздо позже судьба свела их вновь – к тому времени молодой учитель превратился во всесоюзно известного барда, собиравшего полные залы на своих концертах авторской песни.

...

Стихи «о сирени» родились неожиданно легко – Исай сочинил их по дороге домой. И помогло ему не что-нибудь, а та самая мелодия, которую далеким майским днем играл в парке духовой оркестр. Да... тогда был цветущий май, а теперь – холодный и мрачный ноябрь. И то ли так велик был контраст, то ли все это действительно было очень давно, но казалось – тот день отступил навсегда, растворился в сиреневой дымке воспоминаний. И только ожившая мелодия смогла на мгновение воскресить его в памяти, вернуть и девичью трепетную руку в его ладони, и одуряющий запах сирени, и биение сердца, и все те слова, теснившиеся в груди, но так и не произнесенные...

Да, музыка оказалась тем самым недостающим звеном: она могла вызывать к жизни полустертые образы, давать пищу вдохновению, она делала слова весомыми, интонации – проникновенными, стихотворный размер – единственно верным, позволяя выразить то самое «свое», то безусловно главное, сокровенное, что, видимо, и имел в виду Булат Окуджава.

Придя домой, Исай поспешил взять гитару и проиграть только что сочиненную им песню:

Мой друг, ты помнишь ли тот майский вечер?
Как мы с тобою шли звезде навстречу,
А в парке над рекой хранилась тайна.
Оркестр духовой играл наш танец.

Цветущий май, сирень вплетает лепестки в твои серебряные косы,
Цветущий май, в моей руке твоя рука, и я шепчу: «не отнимай».
Я понимаю лишь теперь, когда нелепо за окном маячит осень,
Я понимаю лишь теперь, каким единственным он был –
цветущий май...

Мы верили мечте и вдаль смотрели.
А может, ветры те не постарели?
А вдруг оркестр тот еще играет?
А вдруг сирень цветет не только в мае?

Цветущий май, сирень вплетает лепестки в твои серебряные косы,
Цветущий май, в моей руке твоя рука, и я шепчу: «не отнимай».
Я понимаю лишь теперь, когда нелепо за окном маячит осень,
Я понимаю лишь теперь, каким единственным он был –
цветущий май...

...

Высокий молодой человек шел быстрым шагом по Среднему проспекту Васильевского острова. Параллельно с ним в трафике терлись и сигналили друг другу автомобили. Порыви-

стый ветер дул в лицо, задувая за воротник, но он шел, не замечая холода. Наконец он свернул в подворотню старого дома, обошел двор по периметру и остановился у одного из подъездов.

Васильевский остров никогда не нравился ему, особенно его запутанные двory, в которых прячется большинство подъездов. А также автомобильные пробки и отсутствие парковочных мест. Последнее, правда, является общей чертой петербургского центра. Поэтому он старался не въезжать в центр на автомобиле – лучше на метро и дальше пешком.

Молодой человек достал из кармана старую потертую записную книжку и открыл ее на одной из первых страниц. Там было написано: «Адрес Вали», и ниже была наискосок приписка: «На всякий случай». Он оглядел старую дверь и кодовый замок на ней – двадцатилетней, приблизительно, давности. Домофона не было. Он выбрал кнопки, на которых цифры были полностью стерты, нажал их одновременно, и дверь открылась. Не исключено, правда, что она открылась бы и без этого. Миновав темную, неосвещенную площадку первого этажа, он определился с номерами квартир и решительно поднялся на последний – пятый – этаж. Там он позвонил в звонок.

Долго ему никто не открывал, он позвонил еще раз, и вот он уже развернулся и собрался уходить, как дверь на цепочке чуть-чуть приоткрылась, и на него взглянул чей-то недоверчивый глаз:

– Вы к кому? – спросил женский голос.

– Я ищу Валентину... отчества, к сожалению, не знаю.

– Тут таких нет, – ответила женщина. – А вы сами-то кто?

– Меня зовут Александр. С ней был знаком мой отец. Сейчас ей должно быть около семидесяти лет.

– Не знаю, – недружелюбно сказала жительница квартиры.

– В молодости у нее были рыжие волосы, – почему-то добавил Александр.

– Нет тут таких, – безапелляционно подтвердила женщина и закрыла дверь.

Александр постоял еще несколько секунд, размышляя, что ему делать дальше. Решил позвонить в квартиру напротив. За дверью тут же послышался шорох, потом его, видимо, рассмотрели в глазок, и женский голос спросил из-за двери:

– Вам кого?

– Я ищу Валентину... отчества не знаю...

– А что вы хотели? – спросили из-за двери.

– Видите ли, она была знакомой моего отца. Мне нужно ей кое-что передать.

– Не получится, – сказал голос.

– Почему? Ее нет дома?

– Да, и уже давно.

– А где она сейчас?

– Странно, что Вы ее ищете, а сами ничего о ней не знаете, – в голосе звучало подозрение.

– Так может быть, вы откроете дверь и расскажете мне? – поинтересовался Александр у дверного глазка, через который его продолжала рассматривать недоверчивая обитательница квартиры.

– Дверь открывать не буду. Научены уже горьким опытом. У нас в подъезде то ограбят кого-нибудь, то бомжи приходят ночевать, то еще что-нибудь случается. Нет доверия, уж извините. Сколько мы и в ТСЖ жаловались, и в милицию, но им разве есть дело до простых людей? А про Валентину я вам и так расскажу.

– О, как хорошо! Буду вам очень признателен.

– Я здесь живу с пятьдесят четвертого года. А Валентина – она из квартиры напротив. Но нынешние жильцы, ее, конечно, не знают. А если бы и знали, не рассказали бы. Скобари потому что. Ну, в общем, она тогда, кажется, из Москвы приехала – поступать в медицинский. Потом закончила институт, работала в детской больнице – здесь, на 2-ой Линии, может, знаете.

Вот. А году в шестьдесят шестом, если я ничего не путаю, она уехала обратно в Москву. Вышла замуж. С тех пор мы и не слыхали о ней ничего.

– А вы Валентину хорошо знали? – спросил Александр.

– Да кто ж ее хорошо знал? Она не особенно-то общительная была, ни с кем коротко не сходилась. Да только мы все на виду друг у друга живем, от людей не скроешься. Тем более она была красавица, тут уж ничего не попишешь. За ней многие ухаживали. Все больше врачи – представительные такие – провожали ее часто, цветы дарили. А которые и замуж звали. Да только она не шла, всем от ворот поворот давала. Говорили, что у нее любовь была какая-то безответная. И что уж он и женился, и дите у него родилось, а она все ждала, что он позвонит или появится. А потом он куда-то уехал из Ленинграда – то ли в Колпино... то ли в Репино... Не помню... Тогда уж и она замуж вышла за москвича и тоже уехала. Наверное, устала ждать – сколько ж можно? Годков-то ей много уже было, не всю же жизнь в девках сидеть.

– Да... Что тут скажешь... – задумчиво отозвался Александр. – А какая она была? Вы можете описать?

– Какая? Да я уж и не припомню... Красивая, высокая... – собеседница задумалась. – Гордая! Да, гордячка она была, ни с кем и не заговорит лишний раз, про себя ничего не расскажет, вот и ходи-догадывайся, что там у нее на уме... Книжки любила читать, стихи всякие. Умная, наверное. Но как я и сказала – себе на уме. Она когда уезжать-то собралась, пришла к нам – предлагала взять кое-что из вещей (все ведь не увезешь с собой); так вот, я ее и спрашиваю: «Что же ты в Москву едешь? Что – в Ленинграде уже и женихов нормальных не осталось?». А она смеется и говорит: «Ну как же? Есть один, да не мой, а из-за него я других не вижу. Поеду в Москву, там попросторнее, да и к дому поближе». Ну, и уехала.

– Ясно, – тихо произнес Александр. – Спасибо большое за рассказ. Не буду вас больше беспокоить.

– Постойте, – сказал голос, и дверь немного приоткрылась. – А вы для чего ее разыскиваете, если не секрет?

– Она была знакомой моего отца по Калуге. Я хотел ей письмо одно передать. Но теперь это не важно. Всего вам доброго, – Александр развернулся и принялся спускаться по лестнице.

– Волосы у нее, кстати, рыжие были. Может, конечно, она потом и поседела, но рыжих по чертам лица всегда узнаешь, – сказал голос вслед уходившему гостю и тут же примолк, а дверь снова закрылась.

Александр остановился, услышав эти слова, но оборачиваться не стал. Несколько секунд он простоял в той же позе – то ли задумавшись о чем-то, то ли ожидая еще чего-то от закрытой двери. Но ничего не последовало. Видимо, голос принадлежал очень любопытной женщине, которая только сейчас поняла, что про цвет волос гость говорил с соседями, а не с ней. И, сконфузившись, она решила не продолжать беседу.

– Вы еще здесь? – на всякий случай спросил Александр, но ему не ответили.

Спустившись на улицу и оказавшись на бледном свету осеннего дня, он еще немного постоял, пытаясь отделаться от наваждения чужой жизни, темноты лестничной площадки и безликого образа двух пугливых соседок – ее обитательниц. Надо было идти обратно, но он все медлил. Он достал из нагрудного кармана куртки старый конверт, на котором выцветшими чернилами было написано: «Валентине», далее шла фамилия, а в поле отправителя – «От Исаея Шейниса». Письмо было отправлено в декабре 1953 года из Калуги в Москву. Поверх адреса казенным почерком почтового служащего было выведено: «Вернуть отправителю». Письмо возвратилось в Калугу в феврале 1954 года, так и не отыскав адресата. Наверное, в тот московский адрес, что Валя оставила Исаю перед отъездом, закралась ошибка. Александр вынул из конверта пожелтевшее письмо и еще раз перечитал его:

«Здравствуй, Валя.

Мы не все сказали друг другу тогда, в парке, и почти ничего – на прощание. Наверное, я не смог выразить то, что рвалось из сердца, и теперь жалею об этом, но время ушло.

Если мы еще когда-нибудь встретимся, я непременно спою тебе одну песню. А пока посылаю тебе стихи (звук гитары и голос не пошлешь, к сожалению). Надеюсь, они тебя порадуют и напомнят о том единственном Цветущем Мае.

Твой Исай».

Далее шли слова его первой песни.

«Да, как своенравна судьба... По ее странной прихоти адресат не получил этого письма, и кто знает, как бы сложилась жизнь, если бы получил. Может, и меня бы на свете не было», – подумал Александр, заботливо складывая ветхие листы и убирая их обратно в конверт.

Затем он достал старую фотографию и с минуту внимательно вглядывался в черно-белые черты шестнадцатилетней девушки с длинными волосами, ниспадавшими ей на плечи. Да, действительно, по чертам лица можно понять, какой у человека цвет волос. Он перевернул фотографию и прочел давно известную ему надпись: «Исе на память от Вали». Под этими словами отцовским, но еще по-юношески аккуратным почерком было записано стихотворение Лермонтова:

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.
Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.
Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

Прочитав надпись, Александр убрал фотографию в нагрудный карман, застегнул куртку и зашагал прочь по той же улице, но уже в обратном направлении – к метро.

Теперь машины ехали ему навстречу, а ветер дул в спину, и так идти было гораздо легче. Он шел и думал о том, почему первая любовь почти всегда оказывается обречена. Наверное, чтобы переплавить это необъятное чувство, взрывающее сердце, в нечто менее смертоносное и более постижимое – в то, что мог бы разделить с тобой другой человек, нужно научиться это чувство умерять и усмирять – облакая его в земные слова и приспособлявая к земной жизни. А чтобы этому «искусству» обучиться, надо, видимо, пройти через горнило первой любви – ранней, безответной и безнадежной.

А еще он думал о том, что в рукописи все было рассказано, и, в сущности, не было никакой необходимости искать кого-то по адресу, возле которого в отцовской записной книжке стояла приписка «на всякий случай». «Надо будет еще раз перечитать Калужскую главу», – подумал Александр, вступая на эскалатор станции метро «Василеостровская».

3. Гномы, белоснежки, снобы

*Еврейские мальчики в пединститутах,
В пальтишки одетые, в галоши обутые,
Худые, кудрявые, большеюкие,
Не годные к службе, от дела далекие,
В толстушек влюбленные, поэты – мечтатели,
Российской словесности преподаватели.
И. Шейнис*

На пороге комнаты стоял старожил Ребров. В зубах его дымилась папироса, дым ел ему глаза. Осмотрев чемоданы и их обладателей, Ребров сказал: «Вы, уважаемые, катитесь-ка отсюда по-хорошему. Народ вы шустрый, носатый, пробьетесь. А тут, видите ли, люди живут, трудяги».

Он перебрал костыли и повел бровью на дверь: «Ну!».

Эдик робко протянул направление из месткома. На шум вышла комендант студенческого общежития Зоя Ефимовна, женщина с багровым лицом и хриплым голосом. Ребров бросил:

– Зоефимна, разберитесь с этими. Какие-то неврастеники, нарушители паспортного режима.

Она посмотрела сквозь Реброва и сказала вновь прибывшим:

– Давайте направления.

Ознакомившись с бумажками, Зоя Ефимовна скомандовала:

– Ну, тройка борзых, занимайте свободные койки. Живите и не дурите тут у меня. Водку не пить, не курить, девок не водить. Все ясно? – а после короткой паузы добавила, – дайте папироску.

«Тройкой борзых» были студенты первого курса Ленинградского педагогического института: Ися Шейнис, Эдик Малиенко и Коля Резников. Коек было двадцать, и пока что занято было не более половины. Так что выбрать было из чего. Другими достопримечательностями комнаты оказались голландская печь в дальнем углу и мебель, оставшаяся еще со времен военного коммунизма.

Через пять минут друзья беседовали с Ребровым. Теперь уже мирно.

– Даю азы, – говорил ветеран, – главное – не иметь хвостов, не завалить сессию. А там – госы, и вас вышвырнут, никто не задержится. В остальном – не теряйте времени, мальчики. Жизнь коротка, а студенческая жизнь еще короче. Хватайте все. Не слушайте демагогов. Скоро все они к ночи начнут собираться. Так что лучше обмыть ваш приход сейчас. Ты, очкарик, беги в гастроном. А ты, скелет, наведи тут порядочек. Идет? Ну, то-то.

Вечером новобранцев, уже с трудом вязавших лыко, отнесли в умывальник и уложили лицами в раковины. С шумом пошла вода. Посвящение состоялось.

Комната быстро заполнялась жильцами. Ребята перезнакомились с историками, математиками, биологами. Соседом Исяя по койке оказался Арнольд Стуканов. Насмешливый Арнольд был из «историков», и последующая дружба-противостояние «филологов» и «историков» взяли начало из соседства-противостояния этих коек.

Друзья быстро освоили бытовые условия нового жилья, которые, помимо длинного коридора и безразмерной, всегда шумной комнаты, включали еще новую четырехэтажную баню напротив общежития. Ходили туда по субботам, веселились, пели песни.

Утро проводили на лекциях и занятиях. Шейнис стал душой компании, и его предложение расположиться «на галерке» было с радостью подхвачено друзьями. На задних

рядах можно было заниматься чем угодно. Оставалось только удивляться, как эти «занятия» не мешали Исаю записывать лекции и блестяще сдавать экзамены.

После первой пары, в любую погоду, будь то ветер, дождь или снег, нараспашку выбегали из подворотни и мчались через дорогу в институтскую столовую. Завтракали в буфете с витринами. Из закусок филологи довольствовались постоянным набором: винегрет, студень или треска в томате.

После трех пар спешили на обед. Радовали два обстоятельства: во-первых, обслуживали официантки и, во-вторых, на столах стоял бесплатный хлеб. Всегда розовощекий, пышущий здоровьем белорус Леха Шиманский обходился хлебом с горчицей, запивал «обед» водой из-под крана и со вкусом закуривал папиросу «Памир». Леха ночевал уже не только у земляков-сябров, у которых остановился в ожидании места в общежитии, но и у доверчивых девушек.

– Шиманский, – глубокомысленно резонировал Юра Колесов, – тебе место не на галерке, а на галере.

Отобедав, шли в читальный зал и старательно вчитывались в заданную литературу, делая выписки. Шейнис же частенько, не листая книг, записывал что-то свое. Подняв голову, он направлял взгляд далеко, сквозь стены читального зала, и наблюдал игру звезд в небе. К нему обращались, он долго не понимал, чего от него хотят сидевшие рядом Резников или Малиенко. Они же намекали, что пора закругляться.

– Сейчас, сейчас, – поднимал указательный палец Исай, – слушайте, что сказал Берковский: «Никто не может претендовать на окончательное толкование великих произведений». Ну, как вам?

– Слушай, давай обдумаем это чуть позже. А то скоро гастроном закроют, и тогда придется твоими конспектами закусывать.

Ребята шагали по Малой Посадской в сторону киностудии «Ленфильм», напротив которой находился гастроном имени Братьев Васильевых. Обычно брали по пятьдесят граммов сливочного масла, сто пятьдесят ветчинно-рубленной колбасы, кефир и нарезной батон.

Вечером за длинным столом под электрической лампочкой собирались все обитатели девятнадцатой комнаты. Ужинали не спеша, торжественно, все съеденное запивали чаем типа «белая ночь», то есть кипятком с сахаром. За столом всегда много разговаривали, спорили. После трапезы разбредались по гостям, танцам или свиданиям. Вновь собирались уже к полуночи, и тогда споры возобновлялись с новой силой. Обсуждали стилияг, освоение Целины, приезд Ива Монтана.

...

Миновали первые летние каникулы. Осенью четверо закадычных друзей вновь встретились на галерке. После собрания в деканате Шейнис, Малиенко и Колесов вышли на площадь перед институтом, посреди которой разросся огромный дуб, окруженный изумрудной травой, и принялись обсуждать прошедшее лето. Шейнис рассказал, что провел лето в родной Калуге. Из достижений – выступление дуэтом со школьным другом Володей Соловьевым на конкурсе в городском парке. Их дуэт занял первое место с песней Петра Лещенко «То, чего ты так прошишь, сделать не в силах я».

– Так-так-так... Ты, оказывается, известный певец, а от нас это скрывал?! – с деланным возмущением воскликнул Эдик.

– Да разве от вас что-нибудь скроешь? Да и какой я, к черту, известный?

– Не знаю, не знаю, – подхватил Юра. – Что-то нечасто мы слышим твое пение.

– А кто виноват, что вечерами вы болтаетесь неизвестно где? Мы уж давно могли бы не то что дуэт – квартет организовать и выступить повсюду, – парировал Исай.

– Так! Шейнис, ты нам зубы не заговаривай. Сегодня же достаем гитару. Где угодно. Ты же слышал – скоро в колхоз, а там без гитары никак.

– Во-во, туда и девчонки едут, не забывай.
– Я так понимаю, что у него там пол Калуги поклонниц, что ему твой колхоз?
– Да прям, ребята, какие уж там поклонницы? – обиделся Шейнис, и глаза его как будто погрузнели.

– А что? Скажи еще, что нет.

– Конечно, нет. Была в свое время одна девушка. Я и песню для нее сочинил. Но это все в прошлом.

– Так она не пришла на твоё выступление?

– А как бы она пришла? Я даже не знаю, где она сейчас. Должно быть, в Москве. Она туда уехала два года назад.

– Не грусти, брат, – Эдик положил руку на плечо Исаю. – У тебя столько девушек впереди, что скоро в именах начнешь путаться. А песня твоя пригодится для будущих поклонниц.

– Во-во, для более благодарных, – добавил Юра и подмигнул. – Кстати, вы заметили, как Людку Домбровскую тянет на галерку? Неспроста...

– Так, ладно, пошли куда-нибудь поедим, – прервал демагогию Шейнис.

– Куда?

– Да хоть куда, все лучше, чем просто так стоять. По дороге определимся.

Обитатели галерки двинулись в сторону выхода из институтского двора. Столовая искушала запахом молочных сосисок, но ребята мужественно проследовали мимо. Они шли по улице, мощеной булыжниками. Шейнис положил руку на плечо сначала одному другу, потом второму. Это был знак: «мы свои». У входа в кинотеатр «Великан» друзей привлекла яркая афиша. Оказалось, на ближайшем сеансе демонстрируется сборник американских мультфильмов. По такому случаю обед пришлось отложить.

Огромный кинотеатр заполнился зрителями. Свет погас, зазвучала джазовая музыка, и на экране ожили нарисованные звери и птицы. Возникли титры фильма «Белоснежка и семь гномов». Маленькие человечки в цветных колпачках возвращаются домой по лесной дорожке. На плечах у них кирки и лопаты. Они распевают песню о том, как дружно они добывают драгоценные алмазы. Их приветствуют птицы, зайцы, олени. А в доме они встречают прекрасную Белоснежку, и она преобразует их жизнь. Но появляется принц на белом коне и увозит юную красавицу в свой замок. Грустные гномы их провожают и остаются со своими кирками и лопатами продолжать извечное дело – добычу драгоценных алмазов.

Компания вышла на крыльцо кинотеатра. Будущие педагоги взволнованы. Мультфильмов много, но этот – шедевр. Сошлись умники, весельчаки, ворчуны. Добытчики, помощники, умельцы. Гномы – существа необыкновенные, неунывающие, выступающие против особых гадких, злобных и завистливых.

– Потрясно, – подвел итог Шейнис, и все покачали головами в знак согласия.

...

Назавтра подошли автобусы, и весь курс отправился на трудовой фронт. В колхозе строили погреб, копали картошку, чинили рухнувший забор. Перекуривали, подставляя лица солнцу. А вечером возвращались колонной с лопатами на плечах, бодро и громко распевая: «Легко на сердце от песни веселой»... Ну, чем не гномы? Их сокурсники брели по другой стороне дороги, потешаясь над веселой ватагой. Наконец, Юра Колесов не выдержал и заклеил их:

– Снобы вы, снобы...

В последний вечер Шейнис примирил новоявленных «гномов» со «снобами». Стемнело, надвинулась прохлада. За околицей развели костер. Его искры улетали в притихшую даль, а пламя согревало и навевало приятные мысли. Зазвучала гитара. Исай запел, и все подхватили печальную песню «Гуцулка Ксеня».

...

Как уже говорилось, недолго веселая мужская компания обживала галерку в одиночестве. Вскоре на задние ряды начали перебираться симпатичные комсомолки под предводительством Люды Домбровской. Они веселились, рассказывали анекдоты, всячески намекали. С девчонками было интересно, воображение разыгрывалось, ум блистал, юмор фонтанировал. Однако занятия заканчивались, финансовый голод сковывал умы и фонтан юмора иссякал. Надо ведь было куда-то девушек вести, чем-то угощать, что-то дарить, одним словом, ухаживать. К сожалению, доход в размере стипендии не слишком этому способствовал. Да, случались шашки на разгрузке вагонов, а как-то раз подвернулись даже съемки в ленфильмовских массовках. Это было интереснее – платили по три рубля в день, но и эти деньги без остатка оседали в студенческой столовой, в гастрономе братьев Васильевых и на книжных развалах. Вопрос требовал радикального решения, а поскольку обучение было дневное, то радикального решения до окончания института не предвиделось. Делать нечего – к зиме устроились кочегарить по ночам в Военно-морскую Академию. Работа была сезонной – но все лучше, чем ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.